

всепи́рная исто́рия в ро́манах

Анатолий Ильяхов

ЗЕНОБИЯ ИЗ РОДА КЛЕОПАТРЫ

Всемирная история в романах

Анатолий Ильяхов

Зенобия из рода Клеопатры

«ВЕЧЕ»

2022

Ильяхов А. Г.

Зенобия из рода Клеопатры / А. Г. Ильяхов — «ВЕЧЕ»,
2022 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-8770-5

III век н. э. В Риме провозглашён императором Аврелиан – выдающийся военачальник, чья главная цель – оберегать державу от внешних врагов, которые желают растащить её на куски. В это же время на другом конце Римской империи, в Сирии приходит к власти царица Зенобия, тоже известная своими воинскими доблестями. Но одной Сирии ей мало. Она хочет стать царицей всего Востока, обрести независимость от Рима, а это означает, что императору-полководцу и царице-воительнице неминуемо предстоит схлестнуться в битве. И даже если царица поначалу проиграет, при ней остаётся оружие женских чар. Возможно, придётся пустить их в ход.

ISBN 978-5-4484-8770-5

© Ильяхов А. Г., 2022

© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Об авторе	6
Колонна Зенобии. Предисловие автора	8
Именем Баала. Вместо пролога	9
Глава первая. Пророчество	11
Одна из Бедави	11
Встреча с кентавром	14
Шатёр любви	18
Глава вторая. Рай посреди ада	23
Город чудес	23
Союзник Рима	25
Спаситель империи	27
Зеркало Клеопатры	29
Глава третья. Царский венец	32
Мечь Галлиена	32
Царская вдова	34
Когда лев мёртв	36
Прочь сомнения	39
Глава четвёртая. Армейский избранник	41
Схватка за престол	41
Рим исподволь	45
В гостях у Юпитера	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анатолий Ильяхов

Зенобия из рода Клеопатры

© Ильяхов А. Г., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2022

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Об авторе

Анатолий Гаврилович Ильяхов, автор двух десятков научно-популярных и художественных произведений, родился в 1941 году в Сочи, в настоящее время живёт в Краснодаре.

До того как получить признание в качестве популяризатора Античности, писатель, по его собственным словам, прожил «большую и интересную жизнь инженера-строителя». Успешный карьерный рост от мастера участка до руководителя крупного производственного объединения сам по себе говорит о многом. Так же как и ответственная работа по контракту в Монголии и Афганистане в сложные для СССР годы.

В юности, общаясь со сверстниками из греческой диаспоры в Сочи, Анатолий Ильяхов услышал, что их предки – переселенцы из Греции. Возникший после этого интерес к греческой истории побудил познакомиться с трудами Геродота, Страбона, других историков. Так будущий писатель узнал, что греки ещё в VIII веке до н. э. «открыли» Чёрное море для торговли с местными племенами, массово организовывали поселения-колонии. Греческие *полисы* появились на побережье современного Крыма и Северного Причерноморья, в том числе города-государства Херсонес Таврический и Боспор Киммерийский, сосуществуя со скифами, таврами и прочими аборигенами Киммерийского полуострова.

В школьные годы Анатолий Ильяхов услышал имя Александра Македонского, воодушевился его полководческими подвигами и решил, что обязательно напишет о нём роман. Юношеская задумка стать писателем осуществилась через сорок лет, когда автор вышел на пенсию, ведь именно тогда появилась возможность перечитать собранные за всю жизнь в домашней библиотеке книги по античной тематике, переосмыслить собственные «литературные зарисовки», что велись все годы. В итоге помимо прочих трудов Ильяхов создал целых три романа о жизни Александра Македонского, каждый из которых отличается уверенной энциклопедичностью и захватывающей исторической фактологией. Даже подготовленный читатель обнаруживает в них немало любопытных сведений.

Античный мир канул в прошлое и, казалось бы, навсегда отделился от современного бытия, но для писателя Анатолия Ильяхова древние греки, *эллины*, остаются живыми людьми со своими особыми страстями. Эти люди были способны на крайнюю жестокость и на удивительные, прекрасные свершения, отчего их поступки и достижения, как и ошибки, преподают нам бесценный урок. По мнению автора, греческий историк Фукидид верно сказал, что «все исторические явления будут повторяться всегда, пока природа людей будет оставаться той же».

Дополнительные сведения о писателе А. Г. Ильяхове можно найти на сайте ilyahov.ru

Изданные книги автора:

Этимологический словарь. Античные корни в русском языке. 2006.

Зевсу посвящённые. Тайны древних олимпиад. 2006.

Вакху посвящённые. Секреты античной кулинарии, застолья и виноделия. 2007.

Эросу посвящённые. Античные любовные истории. 2007.

Афине посвящённые. Античная мудрость. 2007.

Пир мудрецов. Притчи, изречения, размышления. 2009.

Античные корни в русском языке. Этимологический словарь. 2010.

Эллада и Кубань. Путешествие в прошлое. 2012.

Игры эллинов у подножия Олимпа. Три тысячи лет до 2014 (2012).

Знак Зевса – роман. 2013.

Уроки Аристотеля – роман. 2014.

Наедине с мудростью. Древняя Греция. 2015.

Закон и право. Словарь правоведа. 2015.

- Человек и природа. Словарь эколога. 2015.
Экономика и финансы. Историко-этимологический словарь. 2016.
Наука и производство. Политехнический словарь. 2016.
Медицина. Историко-этимологический словарь. 2016.
Избранник Вечности – роман. 2016.
Философия разума. Словарь эрудита. 2017.
Античность в русском языке. Этимологический словарь. 2017.
Три чаши Диониса. Античный код современного виноделия. 2018.
Посвящается дочери Ирине Ильяховой...

Колонна Зенобии. Предисловие автора

Три тысячи лет назад Соломон, посещая земли своего обширного царства Израиль, случайно оказался в оазисе, богатом зеленью и водой, делавшими его похожим на остров жизни посреди пустыни. Оазис назывался Тадмор, «Чудесный». Соломон, царь и полководец, увидел в географическом расположении Тадмора большую стратегическую значимость, поэтому велел построить здесь укрепления с крепостью. С того времени народ, владевший Тадмором, не только отбивался от набегов кочевников, но и контролировал караванные пути между Востоком и Западом.

Шли столетия. Тадмор богател, превращаясь в крупнейший торговый центр с роскошными зданиями и храмами, чем привлёк внимание римлян, которые на тот момент успешно распространяли своё влияние во всех сторонах света. Риму не пришлось завоёвывать Тадмор, поскольку у него не было собственной армии. Богатый город со всеми своими торговыми связями стал частью римской провинции Сирия, поменяв название на Пальмиру, «Город пальм». При императоре Аврелиане Пальмира дважды восставала против Рима, в результате город сильно пострадал. Арабские завоеватели в середине VIII века н. э. добавили разрушений, оставив последующим поколениям сирийцев величественные руины.

Но окончательно уничтожили уникальные объекты Пальмиры современные вандалы – международные террористы, действовавшие до недавнего времени в Сирии. Были взорваны останки древних сооружений и ценнейшие обломки предметов архитектуры.

* * *

В Списке утерянных памятников в архитектурном центре Пальмиры сохранилась так называемая «Колонна Зенобии». Когда-то она занимала своё место в ряду знаменитой «Великой колоннады», соединявшей храм Зевса с Западными воротами и Погребальным храмом. Реставраторы изучили посвятительные надписи и выяснили, что прежде на ней стояли бронзовые изображения царя Пальмиры Одената, супруги Зенобии и двух сыновей. О Зенобии были начертаны слова: *«происхождением из рода Антиоха Селевка»*.

В истории Сирии известно имя Селевка, одного из полководцев Александра Македонского. После смерти царя высшие военачальники разделили его империю на собственные царства. Сирия досталась Селевку, на основе которой он создал могущественное царство Селевкию. Среди правителей в роду Селевкидов имя Антиох носили тринадцать царей. Из них только Антиох VII был женат на Клеопатре, дочери египетского царя Птолемея VI и Клеопатры I. Сам Птолемей был сыном царя Мавретании Гая Юлия Юбы и Клеопатры Селены I, дочери римского полководца Марка Антония и египетской царицы Клеопатры. Той самой Клеопатры – любовницы Юлия Цезаря.

В череде имён реальных исторических героев автор обнаружил разгадку надписи на «Колонне Зенобии». Об этом у нас пойдёт разговор...

Именем Баала. Вместо пролога

Рим. 25 декабря 274 года н. э.

Тысячные толпы жителей Вечного города с изумлением наблюдали живописную процессию, состоящую из высших представителей двенадцати жреческих коллегий, почётных граждан, сенаторов и дворцовой гвардии, *преторианцев*, окруживших золотую повозку, на которой императоры выезжали по особо значимым государственным праздникам.

В отличие от предшественников на римском престоле сам Аврелиан выглядел странно: не в пурпурной тоге, а в расшитом золотом халате с широкими рукавами, свисавшими до ног. Под халатом виднелись цветные одежды из драгоценного шёлка, обильно украшенные драгоценностями. Брови были густо окрашены в чёрный цвет даже на переносице, на выбеленных щеках яркими пятнами выделялись румяна, что более подходило восточным деспотам. Вместо парадного шлема на голове императора сверкала драгоценным камнями корона из золота, изображавшая Солнце, испускающее золотые лучи. Вопреки римским традициям императорскую повозку неспешно тянули четыре верблюда, с погонщиками азиатского происхождения. Впереди повозки с императором юноши-пажи несли портретное изображение Аврелиана в образе бога Баала, «Бога Непобедимого Солнца» из древнего культа Востока...

Необычный вид правителя Рима объяснялся тем, что, вернувшись из Восточного похода, он заявил, что его победам покровительствовали местные боги, а не почитаемые римлянами божества. За это он дал обет возвести храм в честь Баала на Палатинском холме рядом с дворцом и объявить главным божеством Римской империи, а себя провозгласить его верховным жрецом. Сегодня состоялось освящение храма, поражавшего убранством из золота, серебра и блеском драгоценных камней. Но более всего удивило граждан Рима, когда узнали, что по приказу Аврелиана в храм Баала перенесли древние римские святыни: неугасимый огонь Весты, статую Афины Паллады, щит Марса и чёрный камень Кибелы.

Подобное римляне уже наблюдали при юном императоре Элагабале, известном чудовищными пороками, чем вызвал народную ненависть, и был убит. Аврелиан не стал повторять его ошибки, но обязывал сенаторов и придворных обряжаться в одеяния, принятые у сирийских жрецов и вместе с ним следовать обрядам богу Баалу.

* * *

Процессия во главе с императором направлялась в Колизей, где уже томилась пестрая толпа горожан в ожидании продолжения роскошного праздника – боёв известных гладиаторов из лучших школ Италии и Рима. Зрителей пускали бесплатно. Десятки удобных проходов, украшенных мраморными статуями богов и знатных горожан, позволяли без толчеи и давки постепенно заполнять величайший в Италии амфитеатр. Рабы при Колизее сновали по рядам с даровой едой «от императора»: хлебом, сыром, печеньем, фруктами и вином.

В первом ярусе разместились представители муниципальной власти, иностранные гости, почётные граждане Рима. За ними – места для римлян из обеспеченных семей, третий ярус шумно занимали плебеи и бедняки. Выше располагались женщины из простонародья, проститутки и рабы. Актерам, могильщикам и бывшим гладиаторам запрещалось посещать Колизей.

От дождя или палящего солнца зрителей защищал *веларий* – громадный полотняный тент, устроенный по периметру амфитеатра с помощью ряда мачт и канатов с блоками в верхней части.

Послышались резкие звуки армейских труб. В сопровождении преторианцев появился император и под восторженный гул трибун занял в первом ряду место под красным бал-

дахинном. Неподалеку расположились главные жрецы, придворные вельможи и сенаторы. В ожидании грандиозного зрелища восемьдесят тысяч зрителей выкрикивали приветствия правителю, азартно обсуждая между собой предстоящую схватку *гладиатрис*, женщин-воинов, имена которых были у всех на слуху – Беллины и Анахиты. Первая, бывшая телохранительница парфянского царя, до этого дня убила на арене двенадцать сильных соперниц. Анахита – дочь пленённого вождя арабского племени, оттого, что владела всеми видами оружия, была невероятно храбра, оставалась живой в тридцати боях с равными гладиатрисами.

Но главным подарком императора народу представлялось обещание, что с победительницей их схватки сойдётся ещё одна женщина. Её тоже все знали – Зенобия, царица Пальмиры, недавно угрожавшая безмятежному благополучию римского мира... Несколько дней до праздника римляне всюду обсуждали эту новость, а теперь споры о победительнице разгорелись в амфитеатре Колизея. Делались большие ставки на фаворитов, отчего в воздухе стоял неумолчный гул, напоминавший растревоженное осиное гнездо. К тому же на цирковых аренах Империи гладиатрисы по разным причинам не выступали уже более полувека. Император Аврелиан нарушил запрет...

«Золото проверяют огнём, женщину испытывают золотом, мужчину – женщиной»

Сенека

Глава первая. Пророчество

Одна из Бедави

Среди бедуинских племён, или, как называли их в Сирии, *бедави*, шейх Бат-Захайя пользовался большим почтением. Его предки, изначально принадлежавшие к кочевым обитателям пустыни, со временем завладели ценными пастбищами с отарами овец и колодцами на караванных тропах, часть из которых шейх сдавал в пользование неимущим соседям. Избрав почти оседлый образ жизни, Бат-Захайя обрёл значимый имущественный достаток и влияние среди соотечественников, за что бедуины и считали его своим неформальным правителем, *шейхом*.

Пустыня, беспощадная к человеку, не соблюдающему естественные правила выживания, обязывала бедуинов сохранять почти в неприкосновенности древние обычаи. А Бат-Захайя славился знанием негласных постановлений племенных предков, за что он почитался *кялином* – главным жрецом и хранителем религиозных обрядов, среди которых важнейшим было соблюдение кодексов чести: для мужчин – *шараф*, для женщин – *ирд*. Прежде всего, шараф означал защиту от врагов собственности рода и от посягательств на честь семьи, поддержание чести племени в целом.

Кроме того Бат-Захайя призывал бедуинов пустыни строго соблюдать обычай гостеприимства, говоря, что любой гость – от Бога. Гостя нужно принять; если он не спешит – накормить, а если прибыл издалека – оставить на несколько дней, дать возможность отдохнуть и набраться сил перед дальней и опасной дорогой. Щедрость бедуина заключена в гостеприимстве и дарении подарков, а храбрость – в готовности сражаться с врагами, побеждая, и умении переносить любую боль.

Бат-Захайя также строго следил за соблюдением древней традиции кровной мести, не допускал отказа от неё. Не говоря уже о сохранении женской чести, что исключало для женщины близость с любым мужчиной кроме мужа. Виновная в прелюбодеянии становилась изгоем всего племени, что означало для неё только смерть в пустыне.

Непререкаемый авторитет Бат-Захайя среди бедуинов дал ему возможность стать *хакамом*, судьёй в последней инстанции. А во время военных действий он в роли *мукаддама* возглавлял объединённое войско бедуинов, численность которого иногда доходила до пятидесяти тысяч хорошо вооружённых всадников и воинов-лучников. Войны происходили с чужими кочевыми племенами, рискнувшими нападать на торговые караваны, проходящие в подконтрольных бедуинам землях. Часто приходилось защищать от посягательств чужаков не разграниченные ранее кочевые территории, бесценные пастбища и домашний скот, оберегать колодцы от самовольного водопользования и разрушений. И даже между соседними племенами бедуинов случались вооружённые стычки, когда на кочевую территорию намеренно заходили чужаки. В таких случаях Бат-Захайе тоже приходилось действовать решительно, но справедливо.

* * *

За долгое время супружества три жены шейха подарили ему пять сыновей. Добрым знаком для отца стало рождение девочки от четвертой жены, но по старой традиции о счастливом событии родственникам не сообщали три года и лишь по истечении срока девочке дали красивое арабское имя Зейнеб («Сливочное масло»), чтобы подчеркнуть цвет нежной детской кожи. Поскольку Сирия находилась под незримым управлением императорского Рима, Бат-

Захайя сообщил о событии в письме римскому наместнику, где просил записать за ним дочь Зенобию по-римски.

В детстве Зенобия мало интересовалась играми со сверстницами, чаще присоединялась к мальчишкам, которых поражала напористостью и уверенностью в преимуществе над ними. Бегала наперегонки, бросала на дальность камни и метко стреляла в цель из лука. Не морщась, ходила босиком по колкому щебню, взбегала на возвышенности с камнем в руках, нередко опережая соперников по играм. Когда мать поинтересовалась, зачем дочь себя так истязает, Зенобия ответила с недетской серьёзностью:

– Я, как Искандер, хочу убивать врагов.

Оказывается, девочка однажды услышала от взрослых историю непобедимого Искандера – у греков и римлян, Александра Великого, македонского царя и полководца. Его армия, шедшая в Индию, когда-то проходила в этих местах. Услышав слова дочери, мать всплеснула руками и запричитала:

– Девочка моя, перестань даже думать о таких глупостях! Придёт время, отец отдаст тебя замуж. Родишь детей мужу – вот и все женские подвиги!

Отец, полагая, что бедуинке всё может пригодиться, находил поведение дочери полезным. Даже будучи невестой, она не оставляла игр, где надо проявить силу и ловкость.

Зенобия подростком освоила грамоту; помимо сирийского языка овладела арабским и арамейским, господствующим на Ближнем Востоке. Мать настояла на обучении языку египтян. Объяснила с загадочным видом:

– На всякий случай, дочь моя.

Однажды Зенобия обнаружила в книжном шкафу отца старинную рукопись под названием «Книга о пользе птиц». Автором значился Мнемон Ктезиас, врач персидского царя, знаток соколиной охоты. Содержание книги показалось ей настолько увлекательным, что дочь призналась отцу в «запретном чтении» и заявила, что теперь не представляет свою жизнь без охоты с замечательной птицей.

Бат-Захайя не мог отказать любимой дочери в просьбе. Будучи уверенный, что соколиная охота ей вскоре надоеет, приставил к ней Сулеймана, пожилого сокольничего, наказав обучить Зенобию невероятно сложному мастерству приручения сокола и всяким охотничьим навыкам.

Вот тогда Зенобия узнала, что бесполезно покупать сокола, воспитанного в чужих руках. Нужно поймать птицу, лучше всего подростка, недавно вылетевшего из родительского гнезда, и приручить. Сулейман так и говорил:

– Птица признает тебя своей хозяйкой, госпожой, когда приучится брать еду из твоих рук. Для начала будем ловить сокола. Завтра с утра и начнём.

Ещё не рассвело, когда служанка разбудила девушку со словами:

– Сулейман давно ждёт.

Зенобия спохватилась, быстро собралась и вышла из шатра.

Утренняя заря пылала на востоке, когда они оказались в долине за первым холмом от деревни. Сулейман оставил девушку в укрытии, предупредил негромко:

– Наблюдай за мной и небом. Как увидишь летящего в твою сторону сокола, не вспугни. Ничем не выдавай себя, иначе всё испортишь. Не двигайся и не переговаривайся со мной. Сокол – птица осторожная.

Отошёл немного в сторону, выкопал в песке руками углубление, куда залёг. Вытащил из мешочка ранее пойманного живого голубя, привязал верёвочку к лапке и своему запястью, отпустил птицу для приманки. Она встрепелась, попыталась улететь, упала рядом и затихла. А старик стал поглядывать на небо.

Вдруг он показал Зенобии, чтобы посмотрела вверх. Высоко в небе появилось маленькое пятнышко. Сулейман полностью присыпал себя песком, оставив голову. В вытянутой вперёд руке в кожаной перчатке он удерживал трепыхающегося голубя.

Сокол, это был он, заметил добычу. Сулейман шепотом предупредил девушку, чтобы ничем не выдала себя, а сам стал тормозить голубя, привлекая внимание хищника. В какой-то момент сокол решился на атаку и неожиданно круто спустился с небес на перепуганную жертву. Ухватив острейшими когтями, терзал острым клювом, разбрасывая в стороны перья и пух.

Сулейман, лежа в засаде, в этот момент осторожно пальцами подтягивал верёвку с уже мёртвым голубем. Ближе и ближе... Сокол не желал терять добычу, оттого не замечал, что скоро сам станет добычей – до тех пор, пока человек не схватил его рукой в прочной перчатке за лапки...

Хищник бешено сопротивлялся, с остервенением клал мощным клювом и рвал перчатку. Старик накиннул на птицу кусок материи, пояснив подбежавшей девушке:

– Сейчас птица сильно обижена, она в ярости. Может поранить себя и меня.

Взял сокола за лапы и надел на голову кожаный мешочек – *клубочок*.

– Это для того, чтобы птица ничего не видела и не так беспокоилась.

Сулейман охватил птицу тканью, начиная с плеч; снизу осторожно укрыл ноги и хвост, затем связал.

– Ему будет неудобно, Сулейман! – воскликнула Зенобия. – И, наверное, страшно!

– Соглашусь с тобой, мы поймали птицу вольнолюбивую. Сейчас сокол страдает и не знает, что ожидает его. А он должен понять, что ему ничего не угрожает. Пусть успокоится, и только потом понесём домой.

Пойманный сокол жил рядом с Зенобией и только на двадцатый день привык к её присутствию. Она кормила птицу, не перепоручая слугам. По вечерам снимала клубочок, любовалась птицей, которая постепенно привыкала к ней. А когда сокол освоился и по команде прилетал на руку, натравливала птицу на перепела и кролика, которых запускала в клетку.

– У этой птицы невероятно развито чувство доброго отношения к нему хозяина, – напутствовал Сулейман. – Смотри, Зенобия, никогда не наказывай птицу за непослушание! Достаточно слегка щелкнуть по клюву, чтобы сокол понял ошибку. И всегда помни, что сокол – не друг, а помощник на охоте.

Обучение первого в жизни ручного сокола потребовало от Зенобии огромного терпения. После первой охоты, увидев, как он ловко справился с добычей, она с любовью дала ему имя Катиль, «Убийца». За Катилем у дочери Бат-Захайя были ещё соколы; они менялись каждый год, потому что ловчие птицы человеку подолгу не служат. Так советовал старый сокольничий:

– Соколы живут на воле до двадцати лет, но держать их подолгу у себя не имеет смысла.

Летом слишком жарко, и соколы плохо линяют в неволе, а к осени могут не сохранить нужных качеств. Отпускай с лёгким сердцем всех на волю, Зенобия, чтобы жили они дальше, сколько им отпущено природой.

Встреча с кентавром

К девятнадцати годам Зенобия наравне с юношами принимала участие в забегах верблюдов-дромедаров. Управляя одной палкой большим животным, имеющим своенравный характер, девушка уверенно сидела в седле, нередко выигрывая гонки. С братьями отправлялась в горы охотиться на дикого зверя, удивляя мужчин хладнокровной выдержкой и меткостью копыя.

В этом возрасте ей давно пора было выйти замуж: девочки у бедуинов после тринадцати лет становятся матерями. К родителям Зенобии женихи пока не отважились приблизиться со сватовством, и девушка наслаждалась свободой и охотой. Невеста не вписывалась в каноны красоты для бедуинских девушек. Высокорослая, лицо округлое с прямым, как у гречанки, носом; крутой подбородок выдавал непростой характер. Но кто хотел увидеть в ней красоту, прежде всего обращал внимание на большие серые глаза, внимательно взирающие на собеседника, и чёрные волосы, густыми прядями ниспадавшие на плечи и спину. Когда служанка пыталась соорудить из её волос красивую причёску, вплести жемчужные бусы или иные украшения из драгоценных камней, Зенобия часто ограничивалась шелковыми ленточками, не желая тратить время перед зеркалом. Благодаря крепкому здоровью и хорошему телосложению, целомудрию и благородству она не нуждалась в каких-либо дополнительных украшениях и улучшениях. Бедуины называли таких девушек *фания*.

* * *

Уверенно оседлав нетерпеливого жеребца, Зенобия в сопровождении двух всадников, которых дал отец, отправилась в предгорье, где расплодилось немало дикой живности. Охранники едва поспевали за девушкой, торопившей коня, иногда теряли из виду, особенно когда она скрывалась за густыми кустарниками. Но повода беспокоиться о безопасности бесстрашной подопечной, в совершенстве владеющей луком и кинжалом, не было. Не были страшны ей ни дикий кабан, ни случайный человек.

Погода неожиданно испортилась. Внезапно выпал туман, завис клочьями в зарослях. Зенобия заторопила коня и неожиданно для себя оторвалась от сопровождающих. Оказавшись среди низкорослых деревьев с узловатыми стволами, стала оглядываться, избирая нужное направление. Вдруг впереди заметила, что к ней приближается странное видение, – не человек и не конь, а нечто большее. Вдруг представила себе, видит... *кентавра*, этакое загадочное существо из греческого мифа...

«Кентавр» приблизился, и Зенобия увидела всадника. Незнакомец. Средних лет, в седле сидел уверенно. Одет, как выглядят знатные сирийцы. Из-под бедуинского головного убора, *куфши*, выбивались вьющиеся чёрные волосы. Всадник откровенно и с долей наглости не отводил взгляд от Зенобии.

В этот момент она почему-то не смутилась, лишь перевела взгляд на его коня и восхищалась. Судя по характерной клиновидной форме головы и высокому хвосту, жеребец был арабской породы, дорогой. Он нервно перебирал стройными ногами, словно в танце, и ронял с розовых губ жёлтую пену.

Всадник слегка толкнул ногами своего жеребца, продвинулся ближе и произнёс приятным голосом:

– Не бойся, Зенобия! Я не обижу!

Девушка вздёрнула головой и всё же нервно рассмеялась:

– Ещё не родился человек, кто осмелится обидеть меня!

Произнеся эти слова, поняла, что не боялась незнакомца...

А всё потому, что эту встречу ожидала семь лет...

* * *

Засуха в Сирии – частое явление. Вода в колодцах снизилась до такого уровня, что женщинам, пришедшим с кувшинами-*кумганами*, приходилось подолгу ждать, пока она накопится. А то и вовсе вода исчезала, оставив на дне влажные комья грязи. Люди и животные страдали; на пастбищах верблюды, кони и овцы доедали остатки растительности.

На счастье, через два месяца жара спала, и жизнь в пустыне постепенно наладилась. Она только на первый взгляд бедна растительностью. Бедуины знают, что пески хранят в себе много жизнеспособных семян. Дождь ли прольётся, влага ли ночная выпадет – семена оживают, пускаются в рост. А если растение успело пустить корни в глубину, оно обязательно выживет и даст возможность выжить людям и всему животному миру.

Но так повелось у бедуинов – домашний скот поедает траву на одном пастбище, после чего нужно перебираться на другое. И так – ежегодно. Каждое лето вместе с родственниками Бат-Захайя отправлял дочь в горы, чтобы она не отвыкала от привычного для простого бедуина быта. Дочь шейха жила, как остальные члены семейного клана, *бейта*, в шатрах, крытых полотнами валяной козьей шерсти. Поэтому летом внутри шатров сохранялась прохлада, зимой было достаточно тепло, и в дождливую погоду не промокало.

Девочка не отказывалась от привычной еды кочевников – свежего или кислого молока верблюдицы, пресных лепёшек, испечённых на медной *полусфере*, охотно ела сытные финики и маслины. С детьми родственников собирала в пищу улиток и съедобные коренья, травы и плоды с кустарников, выкапывала из земли вкусные грибы, трюфели, ловила и жарила на углях аппетитную саранчу. Любила хлебную кашу, *айш*, и *курут* – сушёное мясо козы, и козий творог, и сухой сыр *джубна*. Во время длительных переходов по пустынной местности вместе с членами семьи испытывала жажду, питалась поджаренным ячменём или пшеницей.

Родная тётя научила племянницу выпекать хлебные лепёшки на раскалённых камнях, собирая для огня сухой кизяк. Показала, как замешивать в бронзовом тазу тесто из муки и катать сделанные шары, раскатывать их палкой на плоском камне до состояния тонкой большой лепёшки. Забирать их палочкой и расстилать на раскаленные камни. Лепешки получались замечательными! Зенобия ломала их кусочками, запивая травяным чаем.

* * *

Свои обязанности на пастбище она исполняла охотно. Собирала хворост, помогала женщинам. Но тихая охота на кроликов привлекала девочку больше. Сокольничий Сулейман в своё время обучил её мастерству ставить силки из конского волоса, после чего ей всегда сопутствовала удача. Ловила кроликов помногу, претерпев брезгливость, когда добивала дубинкой. Вот почему в день, когда Зенобии исполнилось двенадцать лет, она сообщила взрослым, что пойдёт за добычей к праздничному ужину. Пошла одна, поскольку место присмотрела заранее, и не любила, чтобы в подобном деле ей кто-либо мешал.

Пройдя довольно далеко от стоянки, Зенобия спустилась с холма и на пути вдруг заметила преклонных лет женщину в тёмном платке и старом халате. Опираясь на суковатую палку, она бездвижно стояла и явно ожидала девушку.

– Ты дочь Бат-Захайя. Знаю тебя с рождения, Зенобия.

Зенобия замерла. Странно было встретить незнакомую женщину вдали от жилья и услышать такое.

Незнакомка продолжала:

– Не удивляйся нашей встрече. Так велели боги.

Девочка удивилась:

– Почему ты так говоришь?

– Я была замужем, но полюбила твоего отца. Нарушила обычаи предков. Старейшины судили меня, изгнали из семьи. Я испытала ужасные тяготы и должна была умереть. Боги решили иначе, позволили жить, видимо, чтобы я имела возможность искупить грех. В этих местах я набрела на пещеру, где живут такие же изгои, женщины. Теперь они моя семья, мы вместе доживаем отмеренные нам годы жизни.

Женщина замолчала, видимо, вспоминая прошлое. Затем вновь заговорила:

– Боги не только сохранили мне жизнь, теперь я многое вижу наперёд, что случится. Вот и сегодня я знала, что увижу тебя. Знаю, что сказать тебе о твоём будущем.

– Говори, женщина, – неожиданно для себя твёрдо сказала Зенобия.

– Мне известна вся твоя судьба, но скажу главное. Хочешь?

Зенобия кивнула головой.

– Твои ровесницы начнут выходить замуж одна за другой, а ты не завидуй им и не огорчайся, оставаясь при родителях. Это произойдёт через семь лет, увидишь будущего мужа на охоте. Ты узнаешь его, сердцем почувствуешь.

Зенобия слушала незнакомку, и почему-то её слова вселяли спокойствие.

– Боги будут благосклонны к вашему браку, у вас родится сын, который станет царём, – уверенно продолжала женщина. – При нём ты обретёшь большую власть, тебе покорятся многие народы, и даже Рим устрасится тебя. Но ты испытаешь немало потерь и боли, как и должно быть для сильного человека.

Она умолкла, хрипло закашлялась и отступилась с тропы, исчезнув неприметно, как и появилась...

Рассказать родне о странной встрече девочка не решилась, отцу – тем более. С годами образ женщины расплылся, как туман при солнечных лучах, а её слова почти стёрлись из памяти...

* * *

Зенобия рассмотрела незнакомца вблизи. По одежде и осанке – богатый пальмирец. Спросила с вызовом:

– Кто ты?

– Септимий. А твоё имя Зенобия. Не так ли?

Она с безразличным видом пожала плечами и решительно тронула в бок своего коня. Септимий ехал с рядом, бок о бок, и с вызывающим мужским интересом рассматривал Зенобию. Удивительно, но она смущалась и, чтобы не показывать это за слабость, переключила внимание на его жеребца. Набравшись смелости, неожиданно заявила:

– У тебя *джиббах* – я определила по большим ноздрям и выпуклости во лбу между глазами. Там есть пазуха с большим объёмом воздуха, помогающая выживать в сухом климате.

Септимий сдержанно согласился, но, когда Зенобия сказала, что её жеребец породистее, с возмущением возразил:

– В Иерусалиме у царя Соломона была любимица, кобыла Сафанад, «Чистая». Когда в гости к Соломону прибыла царица арабов Сава, она подарила жеребца Ракиба, «Подарок». От Ракиба и Сафанады пошло потомство выносливых и резвых коней, которых покупали только правители, настолько они были дорогими в цене. От тех родителей родословная моего замечательного коня, которого подарил мне мой отец.

В этот момент жеребец под Зенобией шумно фыркнул. Девушка рассмеялась:

– Видишь, Септимий, моему коню неприятно слушать твою похвалу о своём коне.

Они ехали ещё некоторое время вместе, пока не показались всадники, сопровождавшие Зенобию на охоте. С ними была ещё группа всадников. Один из них приблизился и учтиво обратился к Септимию:

– Господин, мы потеряли тебя! Прости!

Септимий улыбнулся и показал на Зенобию.

– Так захотели боги! Вы потеряли меня, а я нашёл!

Шатёр любви

Полное имя царя Пальмиры было Однат ибн Хайран ибн Вахб Аллат ибн Насор, что свидетельствовало об арабских корнях. Имя Септимий он носил в связи с римским гражданством, дарованным его предкам шестьдесят лет назад императором Луцием Септимием Севером при посещении Сирии. Тогда же Пальмирское царство на правах автономии вошло в состав римской провинции Финикия.

* * *

На другой день Однат поручил найти самую опытную в свадебных делах женщину, чтобы доверить ей реализацию своего непростого решения. В бедуинских племенах, *хамулах*, предпочитали не отдавать своих женщин замуж вне сообщества, члены которых вели начало от общего предка. К тому же в сирийских традициях невеста может дать жениху вежливый отказ, и ничего ей за это не будет!

И всё-таки сначала обращаются к отцу невесты. Без лишней огласки Однат отослал к шейху своего человека, просил назначить день для встречи. Но не для сватовства или каких-либо переговоров по такому поводу, а просто для беседы. Шейх легко согласился, поскольку Бат-Захайя в подобных вещах никому не отказывал. Кто приходил за помощью или советом мудрого старейшины, уходил удовлетворённым.

Однат прибыл в обозначенное время, оставил телохранителей за оградой семейного дома шейха. Бат-Захайя встретил необычного гостя у входа; они обменялись приветствиями и вошли в шатер. На мягких коврах и подушках завязалась непринуждённая беседа.

Гость слушал хозяина с почтением, поинтересовался здоровьем, был сдержан в рассуждениях и за всё время не упомянул настоящей цели посещения. И Бат-Захайя всем своим видом выражал почётному гостю искреннее радушие и любезность.

– Пора насладиться напитками, уважаемый Однат, – обратился хозяин к гостю. – Тебе выбирать, подавать фруктовый *джаллаб*, молочный сахляб или чай моих предков.

Он лукаво улыбнулся.

– Кстати, младшая дочь приготовит настоящий бедуинский чай.

Однат охотно поддержал тему:

– О, уважаемый Бат-Захайя! Я много слышал, что только в вашем доме чай готовят точно так, как умели предки. Набравшись терпения, готов покорно ждать, чтобы ощутить несказанный вкус настоящего напитка бедуинов!

Высказав всё с неожиданным для себя волнением, Однат замолчал, невольно прислушиваясь к шорохам за соседней перегородкой. Посещение дома отца невесты обычно завершалось приготовлением чая её руками и угощением потенциального жениха. Настоянный на душистых травах горной части Синайской пустыни с имбирём, мармирией, хабакой и анисом, «чай бедуина» не был сладким, но хорошо помогал утолить жажду, придавал силы в пустыне. Но в случае сватовства чай для жениха обязательно готовился сладким! Если сладость не обнаруживалась, в этом доме жених ни на что не надеялся.

Шейх хлопнул в ладоши. Однат замер в ожидании... Зенобия появилась перед гостем в платке и *соубе*, длинном платье с богатой вышивкой поверх зелёных шароваров. Не поднимая глаз, слегка поклонилась, подала в небольшой чашке чай тёмного цвета и тут же вышла.

Однат с невольной осторожностью отпил глоток и вдруг явно ощутил... благоуханный вкус мёда! После того уверенно допил, отставил пустую чашку и заторопился уходить. Встал, поблагодарил хозяина за гостеприимство и поспешно вышел прочь...

В ответ на его действия Бат-Захайя не выразил удивления. По какой причине властитель Пальмиры явился к нему, он знал и теперь желал одного – чтобы дочь не подвела. Обычай предков давал возможность невесте ещё подумать, и пока она не заявит отцу, что согласна выйти замуж за Оденату, о свадьбе говорить не приходится. Но если Зенобия откажет Оденату, а затем ещё другому жениху, тогда отцу давалось право выбрать ей мужа, и уже окончательно...

* * *

Родственники с обеих семейных сторон приступили к обсуждению калыма, размер которого обычно зависел от внешности невесты. Доверенный человек жениха, опытная в деликатных делах женщина старалась узнать все возможные, скрытые изъяны будущей жены, для чего в доме родителей устраивалась особая запоминающаяся процедура.

В назначенный день в доме шейха Бат-Захайя появилась полнотелая и удивительно подвижная женщина преклонных лет, которая сразу притянула на себя внимание собравшихся по такому случаю родственников невесты. Сопровождавшие ярко одетые музыканты и танцоры сразу добавили праздничного веселья. На шум и гомон с округи сбежались соседи, мужчины и женщины, мешая взрослым, путались под ногами и кричали от радости дети.

В центре большого круга, ограниченного шатрами семейного клана Бат-Захайя, поверх песка уложили ковры ярких расцветок. Зрители расположились поодаль, оживлённо перекликались. Многие здоровались, поскольку, занятые делами, до сих пор не встречались. И вот сегодня появился повод сразу увидеться всей родне шейха и знакомым. В толпе было немало неумолкающих весельчаков, выкрикивались шутки, смысл которых сводился к тому, что «ваш жених вряд ли справится с нашей невестой». Людское многоголосье перекрывалось резкими звуками двухязычковых труб-*мизмаров*, ритмичными ударами барабанов-*дарбуков*.

Зенобия, с утра смущённая изрядным вниманием близких, к приходу свахи окончательно обессилела. Служанки помогли одеться: шёлковые голубые шаровары и рубашка, сверху безрукавная кофта того же цвета; концы головного платка прикрывали рот; бедра перехвачены красным шёлковым шарфом; на руках браслеты с жемчужинами; пальцы украшены золотыми кольцами и перстнями; на ногах тонкие серебряные браслеты, позванивавшие при каждом шаге. По такому случаю обувь не полагалась – чтобы сваха увидела, насколько уверенно невеста ступает босиком.

Бат-Захайя как глава семейства совершил обряд жертвоприношения: в дар богам рассталась с жизнью молодая жирная овца. Приглашённый жрец-прорицатель какое-то время присматривался к внутренностям жертвы, пока радостно не произнёс:

– Предзнаменования благоприятные! Можно начинать.

Последние слова предназначались свахе, позволяя приступать к намеченной процедуре знакомства с невестой...

Не каждому врачу под силу определить, насколько девушка здорова, а также есть ли у неё утаенные телесные недостатки. И вообще, по каким признакам давать оценку её красоте и пригодности в исполнении супружеского долга? Бедуины предпочитали женщин полнотелых, с широкими бедрами, тонкой талией и высокой грудью. На коже должны отсутствовать родинки и прыщики. Обращалось внимание на цвет белков глаз – чем они белее, тем лучше. И ступни ног красивые, когда они узкие и с длинными пальцами. Зубы у девушек на выданье обязаны быть целыми, здоровыми и белыми. Поэтому бесцеремонно заглядывали в рот – как при покупке дорогостоящей лошади! Но что делать? Возражать не приходилось, если имелась надобность выйти замуж! Всё уже придумали предки бедуинов, побеспокоились, чтобы почти интимный процесс освидетельствования прошёл безобидно для невесты и весело для родни.

Сваха хлопнула в ладоши. Пожилой музыкант начал перебирать струны арфы-*кануны*, лежащей у него на коленях. При первых звуках из шатра появилась Зенобия, подняла вверх

руки с бронзовыми тарелочками на пальцах, прислушалась к ритму и грациозно прошла на середину круга из ковров.

Зрители с шумным восхищением отреагировали и потом радостными возгласами сопровождали каждое движение. Разом отбросив волнение, дочь шейха плавно задвигалась и в какой-то момент неожиданно сбросила платок с головы. Волосы волнами упали на плечи, вызвав восхищение зрителей, а она, покачиваясь в танце, ловким движением головы перебрасывала их то на одно плечо, то на другое. При этом плечи не переставали трястись мелкой дрожью. Пряный запах благовоний, которыми предварительно умащивали тело и голову невесты, во время танца достиг обоняния зрителей, добавив приятности зрелищу.

Высоко поднимая ноги и опуская на землю с замедлением, приседая и подсакивая, Зенобия исполняла движения особого танца. Так бедуины ходят по песку, достаточно высоко поднимая ноги, повторяя плавный ход верблюда на караванной тропе. Выразительной мимикой и жестами рук под бесхитростные звуки кануна Зенобия рассказывала в танце о себе, девушке, созревшей быть замужем. Зрители наблюдали восхитительное зрелище, рассказывающее о том, что жизнь в пустыне, насколько она сложна, так и прекрасна...

Тем временем сваха времени не теряла, в стороне безучастно не стояла. Со вниманием наблюдала за каждым движением, действовала согласно поручению царственного жениха. Пока невеста была занята танцем, женщина делала телодвижения, словно тоже в танце, приближалась и кружилась, и невзначай прикасалась, успевая отметить всё, что было нужно. Успела убедиться в правильности телосложения, да так, что невеста не успела заметить! Сделав одно своё дело, сваха на время отступила, чтобы продолжить ритуал в другой удобный момент...

Чтобы проверить прочность волос Зенобии, сваха ловким движением намотала на свой кулак её прядь и... бесцеремонно дёрнула что есть силы. Тут же отпустила и посмотрела на свою ладонь – сколько там осталось волосинок? У любимой дочери шейха с волосами всё было в порядке! Затем сваха попросила Зенобию присесть несколько раз и встать – сама прислушивалась, не хрустят ли суставы...

Наконец сваха, широко улыбаясь, притянула к себе Зенобию и... поцеловала в губы. Но это был не обычный поцелуй, а уловка, чтобы проверить на свежесть дыхание.

Испытание невесты продолжилось после танца, без свидетелей в шатре. Не только проверить девственность, но также выяснить, сможет ли Зенобия рожать и кормить ребёнка грудью. И то, и другое для любого жениха – важное! Но первое, что спрашивает мать у сына наутро после первой супружеской ночи: «Этой ночью ты был львом или гиеной?», – подразумевая, ел ли он «свежее мясо или удовлетворился падалью».

После совершения обряда довольная собой сваха оставила дом Бат-Захайя, чтобы передать жениху все секреты невесты, что увидела и услышала в доме её родителей.

Оденат остался довольным отчётом свахи. Расплатился с ней и поручил ближайшим родственникам собирать назначенный выкуп за невесту – золотыми монетами, ювелирными изделиями и верблюдами. Самое дорогое у кочевников – верблюды, они выше всяких богатств! И хотя конь для бедуина – верный друг, верблюд выносливее коня, он неотъемлемая часть жизни в пустыне. Если у бедуина имеется беговой верблюд – *драмадер*, на нём сразится с врагом, золото отберёт! Верблюд переносит на себе товары, грузы и при необходимости послужит едой хозяину. Оттого мясо верблюда продаётся дорого, готовят его чаще всего на праздники, подвергая долгому тушению с перцем и луком.

После того как шейх Бат-Захайя получил калым, жителям Пальмиры сообщили о предстоящей свадьбе царя Одената.

* * *

На торжествах присутствовала царская семья, ближайшие родственники со стороны жениха и невесты. Присутствовали почётные гости из Рима и представители сирийских кочевых племён.

Главная забота жениха – подготовить многолюдное обильное застолье. У владельцев верблюдов отбирали самых жирных молодых особей; мясо варили в котлах, куски запекали на жарких углях и укладывали в кожаные мешки. Из пшеничной муки, замешанной на морской воде, готовили горы лепешек, затем укладывали в кули из пальмовых листьев. Из верблюжьего и козьего молока варили вкусные и полезные для здоровья напитки, настоянные на целебных травах. У торговцев фруктами и овощами товар закупали корзинами, укрывая тканями от солнца.

В день свадьбы Оденат облачился в белую рубашку с глухим воротом и длинными рукавами, *джалабию*, голову покрыл *кефийей*, красным клетчатым платком. На Зенобии тоже была белая джалабия, сверху жакет-*аба* и шаровары. Лицо полностью не закрыла, лишь рот прикрыт *хаиком* из лёгкой полупрозрачной ткани. На голове белый платок. На лодыжках – серебряные браслеты, ладони и ступни окрашены хной. На ногах кожаные красные сандалии.

По бедуинским правилам свадебные торжества длятся три ночи подряд с перерывом на дневной отдых. Каждое утро всё прибиралось, наводился порядок. Так было и на свадьбе Одената и Зенобии.

В первый вечер играли музыканты, а гости, разрисовав хной свои ладони, танцевали. Во второй вечер проходила сама свадебная церемония; на третью ночь для гостей накрывался большой праздничный стол с угощениями. Начинали с основного блюда – варёной и жареной баранины, для чего загодя пригонялись не меньше трёхсот овец, которые поблизости паслись. На свадьбе пили *шайбилнана* – мятный чай, закусывали пресными хлебными лепёшками – *фалашиа*.

В разгар обильного застолья, когда приглашённые гости, казалось, уже наелись и удобно разместились на коврах, вынесли «царское» римское блюдо – зажаренного целиком верблюда. Когда повар ловко взрезал его острым длинным ножом, внутри оказался отварной баран с зашитым в брюхо жареным зайцем. И заяц, когда его пробовали, был начинён копчёной рыбой, в свою очередь фаршированной варёным яйцом. Грандиозное блюдо, приготовленное с восточными специями и пряностями, пришлось по вкусу всем, о чём долго ещё говорили по всей Сирии.

Свадебное торжество отмечали, как принято в этих местах: мужчины – отдельно, женщины – в своей шумной и весёлой компании. И там, и там, играли музыканты, певцы исполняли обрядовые и народные песни. Пели о богатых пастбищах с зеленью сочных трав, яркими луговыми цветами, о цветущих садах и щедрых урожаях. Превозносили достоинства жениха и невесты, родителей и всех членов племени и рода.

Раздельная свадьба не означала, что жених не увидел невесту. В первый вечер Оденат вошёл на женскую половину, чтобы под восторженные возгласы подруг Зенобии надеть на палец железное кольцо без камня – символ подчинённости мужу. Заодно, по обычаю, жених одарил женщин, кто участвовал в торжественном разрезании свадебного мясного пирога.

В разгар праздничного оживления поднялись мужчины и вышли в центр открытой площадки. Сошлись группами по несколько человек, встали друг против друга и начали сильно хлопать в ладоши. Это было начало танца «Вызвать девушку». Юная девушка с платочком в руке, представляющая род невесты, под музыку, делая танцевальные движения, направилась к тем мужчинам.

В это время другие мужчины начали хлопать ещё громче, стараясь «переманить» девушку к себе. Зрители шумно поддерживали то одну группу мужчин-танцоров, то другую, кричали девушке, чтобы она выбирала, к кому подойти. Наконец она оказалась рядом с юношей и поднесла к его лицу платок. Это означало, что она «выбрала его». Юноша ухватился пальцами за платок и вышел танцевать с ней. Так продолжалось недолго. Девушка засмушалась и убежала, а юноша вышел из мужской компании и отправился следом за ней.

В круг вышла другая девушка – и всё повторилось... Так, пользуясь случаем, на свадьбах девушки выбирали будущих мужей. Один из немногих благоприятных моментов в году, когда юноши и девушки, молодые мужчины и женщины, имели возможность общаться, показать себя в лучшем виде – в красивых одеждах и с хорошим настроением.

В третью, и последнюю, свадебную ночь гости продолжали наслаждаться музыкой, танцами и песнями приглашённых исполнителей. Особым почётом пользовались песни погонщиков верблюдов – *худа*. Хором исполняли боевые песни, *замиль*, восхваляющие собственное племя и поносящие врагов бедуинов. Всю ночь до утра, сменяя друг друга, не умолкали смычковые *ребабы*, продольные флейты и парные духовые *мизмары*. И уже в самом конце праздника, под утро, когда гости, казалось, изнемогали от усталости, неожиданно раздались громы бубнов, под которые начались боевые танцы с оружием в руках.

* * *

Жених и невеста оставили гостей за полночь, когда на огромном чёрном небесном пространстве полыхало зарево из звёзд. Настал момент, когда они имели право уединиться. Перед тем как отправить молодых в шатёр для новобрачных, родственники накормили их специально приготовленным мясом верблюжонка и особыми травами, способствующими скорейшему зачатию.

В чарующем лунном свете Зенобия рассмотрела отдельный от других шатёр. Внутри он оказался разделённым на две части тонкими занавесями из шёлка. На полу толстый мягкий ковёр, поверх брошены несколько ковров меньших размеров и подушки разных расцветок. На низких столиках блюда с фруктами. Стены шатра подпирали золоченые шесты со светильниками из серебра на серебряных цепях. Судя по аромату, сгорали благовония, дававшие немного света. От избытка запахов Зенобия ощутила приятное головокружение.

Они остались одни во всём мире!

Оденат надел на палец Зенобии ещё кольцо, золотое, как залог своей верности. По обычаю, в ответ невеста ничем не одаривала жениха, помимо того, что он сам получит сполна, всю её без остатка...

До этого дня судьбы Одената и Зенобии плелись сами по себе в разных частях пустыни... По воле богов, сегодня они воссоединяются и будут вместе до конца жизни одного из них...

Зенобия ждала этого дня, странно-чудного момента, когда боишься и желаешь принять в себя мужчину, уже супруга... Она устала ждать... Тела переплелись, и в едином страстном порыве они будто растворились друг в друге... Через боль и через наслаждение Зенобия вдруг почувствовала себя другой, отрешённой от прежней жизни, – и поняла, что стала женщиной...

Глава вторая. Рай посреди ада

Город чудес

Безжизненная, на первый взгляд, Сирийская пустыня Бадиет-эш-Шам представляет собой обширное степное плато с горными грядами и участками скопления сыпучего песка, *барханами*. Под влиянием сильных ветров барханы меняют форму и перемещаются куда угодно, чтобы безжалостно пересыпать древние караванные пути, ухоженные людьми поля, пастбища и живые поселения людей. Поэтому, когда измождённый долгим переходом в пустыне путник вдруг обнаружит перед собой оазис удивительной жизнеутверждающей красоты, он непременно воскликнет: «Он удивительный!» и подумает, что неожиданно оказался в раю. Так за оазисом и закрепилось это название – Тадмор.

В легендах упоминаются *анунаки*, «люди, сошедшие с небес», кто впервые заселил Тадмор. По какой-то причине они на «огненных громах» покинули Землю, после чего оазис долгое время был необитаемым. Однажды мимо проходили кочевники из библейского рода «сыновей Сима», *симиты*, обнаружившие благословенный островок могучей всепобеждающей растительной жизни с зелёными пальмами и цветущими зарослями укротителя ползучих песков – тамарисков. Родник, истекающий из неглубокой пещеры, состоял на страже всего растительного великолепия Тадмора. Рядом с родником чувствовался лёгкий сернистый запах, а на вкус вода была обычной: её давали не только скотине, но с удовольствием пили и люди. Семиты решили больше не испытывать судьбу, обосновались в Тадморе.

Напоенная родниковыми водами земля позволяла людям собирать урожаи зерна, плодов и овощей дважды в год. Об удивительном оазисе Тадмор узнали в других городах Сирии, и вскоре сюда потянулись торговые караваны, хозяева которых находили здесь добрый приют, набирались сил, чтобы продолжить путь в Индию, Аравию или Европу. Жители научились неплохо зарабатывать продажей продовольствия и воды, а благодарные гости разносили молву о чудесном оазисе – земном рае посреди песчаного ада.

Со временем небольшое поселение превратилось в перевалочный пункт для торговых караванов товаров с успешным рынком перепродаж. Кто из пришлых торговцев не желал дальше испытывать трудности в пустыне, опасности быть ограбленным или убитым разбойными кочевниками, со своей долей выгоды продавали товары тадморским перекупщикам и тем же путём возвращались домой. Тадмор превратился в важнейший центр торговли, что отразилось на благосостоянии жителей и влиянии на соседние страны.

В городе появились удобные постоянные дворы с харчевнями и складами. Заодно изменился состав населения: вместо пастухов и крестьян появились торговцы, наёмные воины, предлагавшие себя охранниками караванов, ремесленники, ветеринары, лекари и жрецы. Не обошлось без бродяг, беглых рабов и обычных искателей приключений, без которых не обходится ни один большой город, к тому же торговый.

Население Тадмора заметно богатело, старые дома рушились, новые – строились. Город разрастался в длину и ширь до тех пор, пока его размеры не ограничились природными пределами оазиса.

Но соседи тадморцев не оставались равнодушными к их богатству. Ассирийцы разорили город, жителей увели в рабство, и в таком состоянии Тадмор оставался двести лет, пока иудейский царь Соломон не обнаружил его случайно, в тот момент, когда инспектировал границы своего огромного царства. Как дальновидный правитель, Соломон счёл местоположение порученного города удачным, для чего приказал укрепить его прочной оборонительной стеной.

* * *

В интересах расширения влияния на Востоке римляне длительное время воевали с Парфией, затем с её преемницей Персией. Оставив за собой Сирию, узнали о Тадморе, но ничего примечательного сначала не обнаружили.

При Адриане город словно очнулся от забвения. Император, возглавлявший армию в походе на Персию, изумился, когда увидел рощи маслин и огромных пальм, зелень полей и садов. Зрелище показалось ему нереальным, чудом природы, что дало повод переименовать город в Пальмиру, «Город пальм». Адриан распорядился, чтобы администрация Рима оказывала Пальмире особое внимание, заботу и, главное, «не мешала пальмирским царям управлять своим народом». Население Пальмиры получило статус «свободной общины» с обязательством содержать небольшой военный гарнизон из римлян. Местным царям позволили передавать престол членам своей семьи. Разрешалась своя полиция из пальмирцев и, на случай войны с персами, в помощь гарнизону – народное ополчение.

Под опекой римских императоров Пальмира расцвела. Возводились величественные храмы, общественные здания, жилые дома с роскошью и богатой отделкой. Пальмирцы стремились к познанию греческого и римского искусства, литературы, наук, учили детей в школах с греческим и латинским образованием. Как дань римской моде надевали тоги и сандалии, новорождённым давали римские имена. Оттого совместными с Римом усилиями Пальмирское царство оказалось центром ещё и политической жизни Сирии, угрожая враждебной Персии.

Союзник Рима

Пальмира не отказывала Риму в поддержке военных операций на Востоке. Такая политика отвечала интересам пальмирских царей. Но Римская империя переживала непростое время, из-за участившихся дворцовых заговоров зрел политический хаос, чем воспользовались враги Пальмиры – персы. Они выждали момент, когда император Валериан ушёл с армией на войну с галлами, и напали на Сирию с целью захватить Пальмиру.

Не имея возможности одновременно воевать на два фронта, император предложил царю Оденату попытаться собственными силами сдерживать персов до прихода римских легионов. Пальмирцы не только выстояли, не сдали город, а дали отпор, обратив врагов в бегство. Гнали до Ктесифона, резиденции персидских царей на берегу Тигра, откуда войско Одената вернулось в Пальмиру, нагруженное ценной добычей и с пленными.

Узнав об успехе союзника, Валериан присвоил царю Оденату почётное звание *консуляра*, которые получали высшие должностные лица Рима, и звание *архистратега* – командующего объединённым союзным войском с полномочиями римского императора на всей территории Сирии. С этого момента царь Пальмиры стал одновременно соправителем римского императора на Востоке!

Поражение персов от Одената под Пальмирой и особенно ограбление Ктесифона не осталось без последствий. На персидском престоле оказался Шапур из рода Сасанидов, смелый и решительный человек. Он создал большую армию и вновь пришёл в Сирию.

На этот раз Валериан решил сам добыть победу ради своей славы. С семидесятитысячной армией дал персам сражение у Эдессы в Месопотамии и... потерпел поражение. Столь печального исхода император не ожидал: он бежал с поля боя, оставив армию без командования. Укрылся в укрепленном лагере, откуда прислал царю Шапуру предложение мира; за сохранение собственной жизни обещал столько золота, сколько сам весит, а весил он немало.

Шапур согласился на переговоры, а затем коварством захватил императора в плен – впервые за всю историю Рима! В результате Валериан оказался в цепях и кандалах! И если персидский царь хотел оскорбить Рим – в этом он преуспел.

В Персии унижения Валериана продолжились. Вместе с десятками тысяч пленных римских воинов разбитой армии, изнемогая под ударами плетей надсмотрщиков, бывший император таскал глину и камни при возведении речной плотины. Иногда Шапур разыгрывал «спектакль» с участием иноземных послов, показывая коленопреклоненного «настоящего» императора Рима. Персидский царь завёл переписку с римскими сенаторами, для чего заставлял Валериана писать «ругательные письма», подписывая именем «его величия шахиншаха, царя царей Шапура перед всеми правителями мира». После подобных унижений Валериана направляли назад в подземную тюрьму, где содержали как обычного раба, кидая на пол объедки со стола Шапура.

Царю персов оказалось недостаточно издевательств над шестидесятилетним знатным пленником. Шапур нередко использовал спину Валериана как подставку для ног, когда садился на коня, и даже приказал выбить на скалах изображение великого унижения Рима. Наконец царь пресытился мучениями бывшего императора и собственноручно отрубил мечом ему голову. Сначала велел похоронить, как положено для римлянина, но раздумал и ради развлечения приказал выпотрошить тело убитого, набить соломой и выставить на поругание персидскому народу. Жена Валериана, Мариниана, не оставлявшая мужа в походах и захваченная вместе с ним в плен, тоже подвергалась грубым и жестоким унижениям. Не вынеся страданий, а больше – издевательств над мужем, женщина умерла в цепях.

Персия торжествовала много дней, а римляне приуныли. Особенно, когда узнали намерения Шапура: захватить все провинции Римской империи в Сирии, Месопотамии, Египте, Аравии, Африке.

* * *

Ослабление Рима открыло Пальмире дорогу к возвышению среди соседей, а Оденату – к усилению личной власти. Наделённый ещё императором Валерианом полномочиями римского наместника, он занялся реформированием собственного войска, способного противостоять персам не численностью, а совершенными методами ведения боя. Оденат сделал ставку на небольшие подвижные и хорошо вооружённые отряды всадников, также на отряды лучников, имеющих дальнобойные луки. В то же время Оденат надумал помириться с Шапуром, разделив области влияния на Востоке. С этой целью отправил посольство к персидскому царю с предложением торгового сотрудничества и дарами.

Шапур с надменным видом выслушал посланника Одената и закричал с раздражением:

– Как осмелился этот выкормыш Рима что-либо предлагать мне, шахиншаху?! Я не нуждаюсь в его жалких подношениях. Он имеет наглость считать себя царём Сирии, забыв, что вся земля в Сирии принадлежит мне, шахиншаху. Всё, что есть в Пальмире и что есть в Сирии, и что римляне считают своими землями на Востоке и Азии, я скоро заберу силой! Одената сделаю своим рабом, как Валериана. Так ему и передай! Ещё передай, если он хочет смягчить ожидающее жестокое наказание, пусть просит слуг, чтобы связали ему за спиной руки, после чего пусть на коленях ползёт ко мне, чтобы пасть ниц перед своим господином. А если он этого не сделает, я погублю и его, и семейство его, и Пальмиру вместе с народом!

Затем Шапур плюнул в лицо пальмирскому посланнику и приказал своим царедворцам:

– Выбросьте дары в Евфрат.

Спаситель империи

К тридцати пяти годам Галлиен, сын императора Валериана, после трагической смерти отца неожиданно приобрёл долгожданную власть над Римом. Он не поспешил на выручку отцу и даже не отправил Шапуру предложения о выкупе. И несильно печалился после смерти отца. Он просто объяснил придворным:

– С моим отцом приключилась беда. Но вы же не будете отрицать, что император – тоже смертный человек, как все остальные.

Галлиен с молодости имел склонности к развратной жизни, за что Валериан укорял его и ограничивал в средствах. Получив единоличную власть, новый император не изменил дурным привычкам, продолжал проводить время в пирушках. Галлиен удивлял римлян тем, что одевался вызывающим образом и носил странные причёски, присыпанные золотым порошком. Украшал одежду и обувь золотом и драгоценными камнями. При этом забывал о необходимости исполнять священные обязанности императора Рима, среди которых главная – водить армию в походы и побеждать врагов.

Тем временем царь Шапур продолжал угрожать целостности границ Римской империи на Востоке. Галлиен бездействовал, а когда Сенат окончательно встревожился и убедил императора начать войну с Персией, вспомнил о союзнике, пальмирском царе Оденате. Ему поручил воевать с персами, обещая усилить войско римскими легионерами, помочь оружием.

Поручение римского императора Оденату оказалось кстати! Он давно мечтал избавиться территорию Сирии от набегов персидских кочевников. Малочисленные отряды на быстрых конях наносили немалый урон населению. Оденат призвал на войну бедуинские племена, создал всадническое войско, которое быстро навело порядок в приграничье с Персией. Однажды Оденату сообщили, что недалеко от Антиохии, где размещалась резиденция римского наместника-прокуратора, под охраной персидского отряда после разграбления города движется богатый караван.

По сообщению дозорных бедуинов, вооруженных персов насчитывалось до трёх тысяч. У Одената под началом всего тысяча всадников. Он выбрал удачное для засады место – на высоком берегу напротив переправы через обмелевший Евфрат. Неожиданная атака пальмирцев и яростный напор всадников Одената принесли успех. Бросив обоз с награбленными ценностями, персы заметались в поисках спасения. Воды Евфрата окрасились кровью людей и лошадей...

В Персию вернулась половина персидского воинства, без награбленного добра, много раненых. У Одената потери в людях были незначительными, и обоз достался ценный. Часть добычи вместе с пленными Оденат вернул в Антиохию, а Галлиену написал об успехе. Остальное добро, отнятое у персов, царь отдал пальмирским воинам, как и пленных врагов.

Слава о царе Оденате, победителе Шапура, быстро разошлась по Сирии. С этого момента началось освобождение земель Пальмирского царства от кочевых персидских племён. Во время переходов и переправ, где бы ни останавливались персы на ночлег, внезапно появлялись пальмирские всадники. Нападали и, осыпая врагов смертоносным дождём стрел и копий, внезапно исчезали. До прямого боевого столкновения пальмирцев с врагами не доходило, и это вызывало у персов сначала растерянность, потом панику. Больше всего они боялись окружения и плена.

Не давая Шапуру опомниться, Оденат перешел в наступление. Собрав большое войско, перешёл Евфрат и, оказавшись в Месопотамии, овладел богатейшими городами Нисибис и Харран, исконными владениями персидских царей. «Захватил сокровища царей Персии и также то, что Шапур считал дороже сокровищ, а именно его наложниц», и с богатой добычей вернулся в Пальмиру.

* * *

Победами над персами Оденат добился сохранения мира и спокойствия не столько в восточных провинциях Римской империи, сколько в собственном царстве. Союзник Галлиена исполнил его поручение, при этом усилил личную власть и влияние на землях, находящихся под управлением императора. В Риме не обратили внимания на тот факт, что царь Оденат отправился в Антиохию, где с соблюдением восточных обрядов торжественно принял на себя титул *шахиншаха*, «царя царей», как персидские монархи. За старшим сыном Геродом от первой жены он закрепил наследование престола, что означало появление в Пальмире новой царской династии.

Галлиен не только не проявил беспокойства, наоборот, чтобы окончательно «привязать» Одената к Риму, предложил пройти по улицам Рима в *триумфе* – такой чести удостоивались римские полководцы после сокрушительного разгрома вражеской армии. Сенаторы протестовали, а император настаивал. Помимо этого Галлиен оставил за Оденатом титул «соправителя римского императора в восточных землях и Азии». С этого момента царь Пальмиры получил право носить полное римское имя – Луций Септимий Цезарь Август («Божественный»), иметь соответствующее императорское сопровождение из двенадцати телохранителей, *ликторов*, с топориками, вложенными в ореховые розги – *фасции*. У него появилась привилегия на другие символы императорской власти – скипетр, триумфальное одеяние по праздникам и возможность изготовить статую с размещением в римских храмах среди статуй других триумфаторов.

Галлиен распорядился, чтобы в Риме отчеканили золотые монеты с изображением Септимия Одената, соправителя римского императора. Супруга Зенобия объявлялась Августой, сыновья – Цезарионами.

* * *

Влияние царя Одената в римских провинциях становилось реальнее. Сенат обращал внимание императора на усиление могущества Одената, но Галлиен, занятый изнурительной для Рима войной с галлами на Западе, не придавал этому значения. Но однажды император разгневался: Оденат не подчинился требованию прокуратора Сирии предоставить отчёт о состоянии пальмирской казны.

Зеркало Клеопатры

Царица Зенобия с опаской всматривалась в сумеречную глубину бронзового зеркала. Пыталась найти ответ, способный прояснить состояние тревоги, длившейся вот уже семь дней. Ровно столько времени прошло, как Оденат отбыл в Эмесу, где размещалась резиденция римского наместника. В письме, доставленном императорским гонцом в Пальмиру, сообщалось, что Галлиен будет там, чтобы обсудить совместные действия против Персии. Вот почему Оденат в сопровождении царской гвардии без промедления отправился в Эмесу. Взял сына Герода, наследника престола.

Зенобия все дни, пока супруг отсутствовал, держалась, отгоняя грустные мысли. Сегодня, наказав прислуге не беспокоить, уединилась в спальне, где хранила кипарисовый ларец, обтянутый красной кожей с тиснением загадочными знаками. Взяла в руки осторожно и, словно опасалась увидеть там змей, откинула крышку. В ложе ларца покоилось бронзовое зеркало...

* * *

Зенобия не жаловала зеркала, без особой надобности к ним не тянулась. К чему эти предметы? Чтобы ей в тридцать лет обнаружить естественные признаки увядания? Десять лет в браке с Оденатом, можно сказать, счастливом. У них чудесный сын Вабааллат, отец его обожаем. По этой причине у Зенобии нет причин для беспокойства. Хотя, когда супруг вернулся из Персии с ценной добычей, ей сообщили о пленнице с глазами-маслинами под дугами чёрных бровей и волосами цвета вороньего крыла. Царица постаралась не замечать соперницу, понимала, что Оденату это нужно. Во дворце давно говорили, что царица не разделяла ложе с супругом сразу после зачатия Вабааллата. Сначала из-за того, что погрузилась в материнство, уделяла внимание малышу, а потом привыкла и не вспоминала о том, что она молодая женщина. Супруг ревновал её к ребёнку, потом стал равнодушным к её телу, отвлекаясь на царские забавы – войну и охоту.

После рождения Вабааллата умерла мать Зенобии, от которой достались некоторые вещи. Дочь не спешила заглянуть в сундуки, вскоре доставленные во дворец, но любопытство перебило. Оставшись наедине с воспоминаниями о матери, она с некоторым смущением и трепетом брала в руки каждую вещь.

Зенобия обнаружила дорогие ткани из Египта, Индии, Китая и серебряные чаши, блюда, кувшины из бронзы. Отдельно лежали старинные женские одежды. В кожаных мешочках хранились серебряные и золотые монеты. В коробках сберегались ожерелья, золотые подвески и серьги, тонкие серебряные браслеты и диадема в драгоценных камнях. Зенобия не испытывала увлечения к дорогим украшениям, но при виде камней, прозрачных, как детские слезы, изумилась их красоте и ценности. Откуда они могли взяться у матери?

Зенобия вспомнила, как однажды мать рассказала о своих снах, будто она, маленькая девочка, живёт с родителями во дворце, где много слуг. Сон плохой, так как на дворец напали враги, убили родителей и всё разграбили. Дворец сгорел в пожаре, а её, девочку, спасли незнакомые люди и вывезли в Сирию. Каждый раз матери снился один и тот же сон, а жрец, разгадывающий сны, говорил матери, что всё было наяву, но в дальних поколениях...

Зенобия не придавала значения её словам, но, когда мать сильно заболела и послала за дочерью, услышала странное признание:

– Дочь моя, в тебе течёт кровь наших предков по женской линии от египетской царицы Клеопатры. Мои сны приходили ко мне неспроста. А верить или отказываться от моих слов – тебе решать.

Разбирая вещи матери, Зенобия вспомнила последнюю встречу. Задумалась.

В глубине сундука обнаружила ларец, в нём диск из бронзы, по виду – старое зеркало. Очень старое. В этот момент на лицевую сторону диска попал солнечный луч из окна; неожиданно Зенобия увидела... оборотную поверхность диска, словно смотрела не через металл, а через стекло! Даже рассмотрела орнамент из фигурок диковинных зверей. Но когда перевернула диск, орнамента не обнаружила!

На следующий день Зенобия обратилась к греку Лонгину, своему старому советнику.

– Я кое-что слышал о «прозрачных» бронзовых дисках, – задумчиво произнес он. – Предполагаю, зеркало из Китая. Но как оно попало к твоей матери – загадка. Ведь китайские правители пользовались ими для гаданий и предсказаний. Это зеркало связано с мистикой. Царица, остерегайся, спрячь его подальше.

Зенобия недоверчиво спросила:

– А если я посмотрюсь в него?

Советник попытался обратить всё в шутку:

– Ничего утешительного для себя женщина там не обнаружит. Хотя и для мужчин время жизни истекает не бесследно.

Старик понизил голос, будто выдавал тайну:

– Я не пугаю, царица, но обязан предупредить, что иногда с зеркалами происходят загадочные вещи.

Зенобия спросила с напускным безразличием:

– Ещё совет мудреца?

Лонгин покачал головой.

– Не смею утверждать, царица, но зеркало может оказаться хранилищем душ умерших людей. В зазеркалье существует иная жизнь, свой мир, с обитателями которого могут общаться колдуны, по своему желанию устанавливающие с ними связь. Услышав особые заклинания колдуна, умершие выходят к людям, чтобы, например, отнять жизненную силу у определённого человека, и после возвращаются обратно. Так ли это на самом деле, не знаю, но, думаю, всё возможно. Существует мнение, что поверхность зеркала удерживает образы людей, однажды смотревших в своё отражение.

Зенобия, почувствовав стынущий холодок в груди, изменилась в лице. Старик успокоил:

– Если без злого умысла смотреть в зеркало, плохого не произойдёт.

* * *

Помня тот разговор, царица понимала, что существует опасность навлечь беду. К тому же она не знала ни одного колдовского обряда или магического заклинания по такому случаю. Но желание узнать что-нибудь о супруге пересилило страх...

Зенобия слышала, если долго пристально всматриваться в поверхность зеркала и думать только о каком-то человеке, можно будет добиться желаемого. Мыслями она улетела далеко от Пальмиры, в Эмесу, звала Одената по имени, витала своей смятенной душой в сумеречной дали магического диска...

Время шло, ничего необычного не происходило, и когда она уже отчаялась, в глубине обнаружилась размытая фигура. На этом фоне проявились светлеющие пятна, схожие с облаками, сначала красные, потом чёрные; затем высветился коридор с искорками по сторонам... Хотя, возможно, Зенобия увидела отражение собственного лица и мигающего света лампад у зеркала.

Вдруг в конце «коридора» она рассмотрела лежащего человека, а вокруг металась тенью ещё силуэты... Затаив дыхание, Зенобия с усилием разглядывала человека... Кто он? Она

вздрагнула, отшатнулась. Диск выпал из ослабевших рук и с ужасным звоном покатился к дальней стене.

Зенобия задыхающимся голосом выдохнула:

– Оденат!

В этот момент пламя в лампадах затрепетало и... погасло. Царица оцепенела от ужаса...

Осторожный стук в дверь вернул Зенобию в реальность. Она с раздражением крикнула:

– Кто?

Послышались взволнованные голоса, из которых разобрала только:

– Царица, беда!

Глава третья. Царский венец

Месть Галлиена

Зенобия услышала громкий настойчивый стук в дверь. Снаружи повторили:

– Царица, беда!

Оттолкнув служанку, застывшую от нерешительности на пороге, в комнату стремительно вошёл воин. Зенобия узнала начальника дворцовой охраны. Семь дней назад он сопровождал царя в Эмесе. Лицо в ссадинах, кровавые пятна на кольчужной рубашке... Царица всё сразу поняла. Ноги у неё едва не подкосились, она всплеснула руками и вскрикнула:

– Оденат?!

Преодолевая слабость во всём теле, Зенобия приказала твёрдым голосом:

– Говори.

Командир, запинаясь от волнения, торопливо произнёс:

– В Эмесе мы узнали, что император ещё не прибыл. Наместник устроил пир в честь царя Одената. Пригласил много гостей из местной знати. Твой супруг пребывал в хорошем настроении, сын Герод сидел с одной стороны, с другой – Меоний.

Зенобия с изумлением воскликнула:

– Меоний? Откуда взялся он в Эмесе?

Командир пожал плечами.

– Я узнал перед поездкой. Царь сказал, что юноша просил разрешения сопровождать в Эмесе, объяснив, что хочет увидеть императора.

Зенобия вспомнила недавний случай на царской охоте. Следуя придворной традиции, известный своей невыдержанностью племянник царя присоединился к охотникам в компании таких же молодых людей из знатных семей. Егеря выследили оленя изумительной стати, с огромными ветвистыми рогами, выгнали на царя. В азарте подстегнув коня, Оденат бросился преследовать добычу; остальные участники охоты с громкими криками устремились вслед, стараясь не отстать и, главное, предоставить царю возможность удачно бросить копьё.

Меоний каким-то образом оказался впереди всех преследователей, возможно, по причине того, что не сдерживал своего жеребца в отличие от придворных. Находясь чуть позади царя, он неожиданно опередил его в броске: копьё племянника на мгновение раньше царского вонзилось в стремительно убегающего оленя.

Оденат придержал своего взмыленного от скачки коня, выдернул копьё Меония и передал удачливому сопернику. Не вспылал, сдержался и не показал, что огорчился. Тем более что загонщики выгнали в их сторону ещё одного красавца-оленя с роскошными рогами, не хуже, чем у первого. Оденат устремился с копьём за ним, подгоняя коня, а юноша, в безудержном стремлении быть всюду первым, опять догнал царя и осмелился кинуть копьё раньше. Удивлённый выходкой племянника, Оденат с раздражением воскликнул:

– Ты что делаешь, юнец?!

Затем, обратившись к телохранителям, добавил:

– Заберите у глупца коня и доставьте в родительский дом. Пусть отец сначала выучит сына уважению к старшим.

Когда Меония ссаживали с жеребца, он кричал и сопротивлялся, затем стих, видимо, осознавая собственный промах. Но Оденат не учёл, что для знатного пальмирца отобрать коня – самое позорное наказание! А когда племяннику сообщили, что дядя на время запретил ему появляться во дворце, скорее всего, с обидой затаился... Как раз за несколько дней до отъезда Оденат простил Меония, и тот напросился с ним в Эмесе...

Зенобия занервничала и требовательно произнесла:

– Не тяни! Что дальше?

– Во время пира я находился поодаль от царского места, но видел, как Меоний подошёл к нему. О чём говорили, не слышал, но в какой-то момент Меоний закричал и ударил царя в шею кинжалом, спрятанным под курткой. Сын Герод попытался защитить отца и тут же упал, пронзённый копьём местного воина, заговорщика. Все закричали, я кинулся к царю на помощь и понял, что мне мешают. Вооружённые участники заговора, сообщники Меония, прикрывали его, пока он пробирался из зала.

– Почему не предотвратил беду? – зло оборвала его царица.

Воин растерянно пожал плечами.

– Ничто не предвещало коварства Меония. Все думали, что они помирились. Царь велел мне наблюдать за местными гостями в зале. Я повернулся к нему, когда услышал крики. Меня сразу ранили. Двоих моих гвардейцев убили в схватке, остальные окружили смертельно раненого царя.

Воин глухо произнёс, опустив голову:

– Он истёк кровью, и ничто ему не помогло. Мы привезли тело нашего царя домой.

* * *

На другой день Меоний появился в Пальмире с большим отрядом вооружённых людей, судя по всему, нанятых в Эмесе. Прислал к Зенобии наглого человека с требованием освободить занимаемую ею с сыном часть царского дворца. На сборы милостиво предоставил десять дней.

На городской площади глашатаи сообщили народу Пальмиры, что в связи со смертью царя Одената законным наследником объявляется его племянник Меоний. Тому из подданных, кто думает иначе, новый царь угрожает расправами.

Зенобия не выходила из покоев три дня. Старик Лонгин, нарушив её одиночество, как обычно, посоветовал:

– Царица, в Пальмире ждут твоего слова. Бездействие тебе не на пользу.

И сильно удивился её ответу:

– Мне страшно! Я всего лишь женщина с маленьким ребёнком.

– Нет, ты царица пальмирцев! Для них сейчас это главное!

– Люди Меония провозглашают на улицах и площадях, что у пальмирцев новый царь. Меня с сыном изгоняют из дворца, ты не слышал? Разве не повод утраститься, советник?

Озадаченный ответом Зенобии Лонгин умолк. В этот момент послышались дальний шум, громкие крики; вскоре – лязг металла. Старик насторожился, царица побледнела.

Дверь распахнулась, пропуская запыхавшегося начальника гвардейцев с мечом в руках. Она услышала:

– Царица, победа!

Как выяснилось, военачальники Одената отказались признать цареубийцу правителем Пальмиры. Составили заговор, привлекли часть войска. Ворвались к Меонию в дом. Нашли его... в нужнике, где он, едва услышав шум, в страхе укрылся. С проклятиями посекали мечами, а труп выбросили за город, шакалам.

– Царь отомщён, царица! – радостно воскликнул воин.

Народ в Пальмире не оплакивал убийство самозванца. Римский гарнизон в городе не вмешивался, в эти несколько тревожных дней его воины оставались в пределах крепости. Пальмирцы скорбели по любимому царю Оденату, потому что понимали, кого потеряли, безвременно и несправедливо.

Царская вдова

Зенобия погрузилась в подготовку похорон, достойных Одената. Главным вопросом было – по какому обряду упокоить тело. Если как бывшего правителя Пальмирского царства, тогда в семейном склепе в горах. Но Оденат имел римское гражданство, имел статус законного соправителя императора. В таком случае уместно захоронение по римскому обычаю – в гробнице, устроенной при храме на главной городской площади.

Советник Лонгин предложил решение, которое должно многих устроить:

– Чтобы пальмирцы удовлетворились и римский Сенат не возражал, нужно организовать погребальный обряд дважды – по сирийским обычаям и по римским правилам.

Царица вначале удивилась такому совету, но потом поняла, насколько он правильный...

* * *

Жрецы Погребального храма в Пальмире «готовили» Одената к встрече с народом. Тело покойного сохраняли в бальзамическом составе, «оживили» лицо восковыми красками. Поверх белой туники надели красную тогу с золотой полосой понизу, уложили на кровать с инкрустацией пластинами слоновой кости, устланной покрывалами с золотым шитьем. У входа во дворец тело в образе римского императора показали народу «для оплакивания».

Пальмирцы приходили к месту скорби и видели Одената, как живого. Казалось, откроет глаза и заговорит о своих убийцах. Оставляли дары, просили богов дать покойнику счастливую жизнь после смерти.

Когда вышло время, молодые люди из знатных семей Пальмиры подняли ложе с покойником на плечи и под горестные звуки флейт понесли к храму Юпитера. Оглашая заполненные людьми улицы причитаниями и погребальными песнями-«*нешиями*», в процессии шли в чёрных одеяниях плакальщицы, громко выражавшие безутешное горе, до крови царапали свои лица ногтями. Полуголые рабы несли горящие факелы, предназначенные для погребального костра.

Перед храмом на помосте возвышалось сооружение из брёвен, с уступами, что делало его похожим на мавзолей с полостью, заполненной хворостом. «Мавзолей» украшен коврами и картинами, изображающими героические сюжеты из жизни Одената, по углам установлены его статуи. Насыпаны горы цветов, от них и мешочков с ароматическими благовониями из Аравии, Египта, Индии повсюду разносятся резкие запахи. Звучали скорбные гимны и *пеаны* в исполнении детей и женщин из благородных пальмирских семейств.

Наступил момент, когда гвардейцы вознесли ложе с покойником на самый верх погребального сооружения, после чего мимо прошествовали *ликторы* в черных одеждах. Непременные участники сопровождения римских императоров, на этот раз свои атрибуты – розги и бронзовые топоры, в знак траура склонили к земле. За ними прошли воины римского гарнизона, следом пальмирские всадники, пехотинцы, лучники и пращники. Вздывая пыль колёсами, промчались колесницы с возничими, одетыми в императорские тоги с пурпурной каймой, лица у всех одинаковые – в масках, изображающих Одената. Процессию замыкали родственники и друзья покойного царя, придворные и должностные лица из римской администрации. С низко опущенными головами следовали *клиенты* Одената, его вольноотпущенники и дворцовые рабы. Актеры в масках с лицами покойника и в его одеждах декламировали стихи из трагедий. Замыкали шествие простые люди, пришедшие сюда не столько из сочувствия, но больше из любопытства.

Зенобия едва находила в себе силы, чтобы выдержать всю столь тяжкую церемонию. Совсем недавно муж был рядом с ней, любил её, и она любила... В одночасье осталась одна.

Придётся без него принимать решения, и не только ради себя, сына, но ещё думать за Пальмиру, за народ...

Горечь утраты путала мысли Зенобии, слёзы застлали глаза. Обряд завершился торжественным *анофеозом*, «вознесением императора Одената к богам». Она терпеливо ожидала окончания жертвоприношения, после чего следовало поджечь огромное сооружение с ложем покойного. Эта роль отводилась сыну покойного как преемнику престола – семилетнему Вабааллату. Жрец, наклонившись к нему, что-то тихо говорил на ухо, а мальчик, испуганный происходящим, нерешительно жался к матери.

Зенобия стряхнула с себя скорбные мысли. Выхватила у стоявшего рядом раба факел и просунула его среди брёвен и хвороста. Пламя немедленно охватило ближнюю часть сооружения. Родственники Одената подступили с факелами со всех сторон... Послышался треск охваченного пламенем дерева, от сквозняков закрутились дымные завихрения. Будто огненный зверь с голодным урчанием накинулся на жертву...

Неожиданно жрец замахал руками и закричал, показывая на грязно-чёрные клубы дыма, вырывающиеся из огнедышащих потоков:

– Я вижу орла!

Зенобия глянула наверх и увидела, как из полыхающего огнём погребального сооружения вылетело похожее на птицу существо, размахивающее большими закопчёнными крыльями. Народ с ликованием наблюдал, как «орёл» вознёсся в бездонное небо и через мгновение исчез...

Жрецы объявили, что Луций Септимий Оденат вознёсся на божественный Олимп, где встретился с Юпитером.

На следующий день, когда огромный костёр окончательно прогорел, на пепелище жрецы собрали прах царя. По воле Зенобии, его разделили на две равные части, поместив в ларцы из кедрового дерева. Один ларец поставили в подземную комнату гробницы при храме Юпитера в Пальмире, второй – в родовой склеп в горах, после чего глашатаи сообщили пальмирскому народу слова царицы Зенобии:

«Супруг мой, ваш царь Оденат, с этого дня живёт среди богов. И пусть теперь живые воздают ему должное, как богу. И пусть память о царе Оденате у народа Пальмиры будет долгой. И пусть могила царя Одената станет храмом, где на алтаре будут совершаться жертвоприношения, как и перед храмами других богов. А мы будем жить дальше, ибо не пристало разумному человеку надолго сохранять скорбь».

Траур по усопшему царю длился девять дней и завершился жертвоприношениями в дар богам – вином, оливковым маслом и кровью жертвенных животных. В эти дни Зенобия устроила поминальные игры и представления для пальмирцев – по римскому образцу. Бедным раздавали сырое мясо, чтобы могли накормить членов своих семей; на площади накрыли длинные столы с едой и вином. После этих событий Пальмира окончательно распрощалась с царём Оденатом.

Когда лев мёртв

После убийства Одената и расправы с Меонием и заговорщиками царский престол пустовал без наследника. Этот вопрос волновал каждого пальмирца, и каждый понимал, что занять его мог претендент только законным образом, в то же время способный сохранить территориальное единство, трудами и войнами добытое Оденатом за пятнадцать лет правления. Стоит проявить слабость, как союзники и друзья царства Пальмирского живо превратятся во врагов, безжалостно разорят, разорвут на части, проглотят.

Для римских императоров Пальмира и в целом провинция Сирия имели важное стратегическое значение. Поэтому Галлиен поспешил на помощь пальмирской знати в выборе достойного преемника Одената. Им мог стать представитель элиты или военачальник, непременно лояльный политике Рима. Пальмира и в дальнейшем обязана оставаться, если не другом, так преданным союзником!

Зенобия продолжала соблюдать траур. Ходила в тёмных одеждах, на людях всегда являлась с печальным лицом. Когда вельможи советовали встретиться, обсудить важные царские дела, она отмалчивалась и вообще сторонилась общения по любому поводу. Единственный, кто приходил к ней в эти дни, мог что-либо внушить, был всё тот же старый грек Лонгин. Вот и сегодня он посетовал:

– Царица, разве корни зла, прорастающие в царстве твоего бывшего мужа, сами по себе исчезнут? Ты обязана взвалить решение дел на свои плечи хотя бы потому, что единственным наследником Одената пальмирцы признают его сына Вабааллата.

– О чём говоришь, советник! Разве не видишь и не слышишь, как родственники Одената, дальние и близкие, то и дело появляются во дворце, шушукуются с вельможами, ведут тайные переговоры с племенными вождями, военачальниками? И что совсем некстати, отправляют в Рим дары, напрашиваются на встречу с императором. А ты ещё говоришь о Вабааллате, – устало произнесла царица. – При всей подозрительной суете вокруг мне с сыном уцелеть бы.

Лонгин неожиданно оживился.

– Вот и я о том! В подобных вопросах бездействие добром для тебя и сына не закончится. Есть верные тебе военачальники, бывшие приближённые Одената, которые желают видеть на престоле его сына. Они служили супругу твоему на совесть, теперь хотят служить наследнику. Я говорю об этом по их поручению.

Зенобия не была готова ответить сразу, сомнения раздирали её сердце. Старик воспринял молчание за раздумье, продолжал настаивать:

– Царица, я удивлюсь, если услышу, что тебе безразлично, кому быть царём в Пальмире. У тебя сын царя – твой Вабааллат, если не беспокоишься за собственную жизнь, подумай о нём.

Неожиданно Зенобия прервала его:

– Как понимать тебя, советник?

– Так и понимай, царица! – с непривычной для него резкостью ответил Лонгин. – Я вижу, ты непростительным образом погрузилась в созерцание своего личного горя. Все сознают, ты потеряла любящего супруга и отца ребёнка. Но пора заняться земными делами!

Зенобия недовольно дёрнула плечами.

– Что ты имеешь в виду, старик?

– Что жизнь продолжается. Твой супруг был царём у пальмирцев, а им небезразлично, кто будет следующим царём. Сегодня нет надобности, показывать себя в беспомощном состоянии. В Пальмире нет человека, кто бы сомневался в твоей преданности Оденату. Поэтому ты обязана дать согласие военачальникам на их предложение.

Зенобия покачала головой.

– Оденат был другом Галлиена. Пусть император решает, кто будет ему следующим другом.

В ответ Лонгин почти закричал на царицу:

– Разве ты не знаешь, что это Галлиен убил твоего мужа?!

– Как, разве не Меоний?

Лонгин покачал головой.

– Пришло время рассказать тебе правду, царица. Да, Меоний устроил заговор, во время пира в Эмесе специально повздорил с Оденатом и предательским ударом кинжала лишил его жизни. Но направил его на эту подлость император Галлиен. Если позволишь, я призову сюда свидетеля. Он ждёт.

Зенобия словно очнулась от дурного сна, крикнула:

– Пусть придёт!

Советник вышел и вскоре появился с воином, судя по одежде и доспехам, римлянином. Зенобия узнала его:

– Ты начальник гарнизона!

Она видела его во дворце на приёмах у Одената.

– Зачем ты здесь?

Воин учтиво склонил голову.

– Советник Лонгин, которого я уважаю за мудрость и честность, сказал мне, что ты хочешь услышать правду. Говорю правду. В Пальмире я присягал на верность соправителю римского императора Луцию Септимию, супругу твоему Оденату.

– Отвечай, царь Оденат дружил с императором Галлиеном? – резко оборвала его Зенобия.

Воин насмешливо улыбнулся.

– Я римлянин, мне ли не знать повадки императоров! Галлиен понял, что Оденат не хочет быть зависимым от него. Когда императору донесли, что племянник царя затаил обиду, Меонию пообещали царский престол Пальмиры. Всё, что произошло в Эмесе, подготовил Галлиен. Он заманил Одената в ловушку, а сам не приехал. А я получил приказ из Рима помочь Меонию воинами гарнизона. Верь мне, царица!

Зенобия опустила голову, не сказав ни слова. Советник показал римлянину на дверь и стал ждать. Когда заметил, что царица успокоилась, заговорил:

– Неужели ты останешься безучастной ко всему, что услышала? Нет, не поверю, что предашь память о супруге!

Зенобия вяло отбивалась:

– Какого шага ждешь ты от меня, мудрец? У римлян в Пальмире достаточно влияния среди военных и знати, чтобы не допустить Вабааллата к престолу.

– У Рима есть свои интересы и замыслы в Сирии. У Пальмиры должны быть свои интересы, а у тебя – свои личные. Но ты права: не вся знать и военачальники желают видеть Вабааллата царём, по малым его годам и неразумению. Но вместе с сыном на престоле ты будешь неплохо выглядеть! – Лонгин рассыпался мелким старческим смехом. – Разве в делах супруга нет твоей заслуги, царица? Военные знают это. Если ты скажешь, что просишь у них поддержки, они поддержат с любовью и охотой. Говорю тебе, бери скорее власть в свои руки!

– Нет-нет! – вновь запротестовала Зенобия. – Быть женой царя не означает быть полноправной царицей.

Старик укоризненно зацокал языком:

– Вспомни царицу Семирамиду. Она отстранила от престола слабовольного мужа, чтобы доказать, что в руках женщины царский престол обретает совершенно иную ценность. Семирамида не проводила жизнь в безделье, пирушках и оргиях, как муж, а дни и ночи думала о делах в своём царстве. Во главе армии сражалась с врагами, дошла до Индии и возвеличила

Ассирийское царство до немыслимых размеров и могущества. Завоёванные страны не разрушала, а строила в них города, поражавшие великолепием зданий и сооружений, возводила дивные храмы. Ты слышала о висячих садах Семирамиды в Вавилоне? Это ли не Чудо Света? Вельможам, военачальникам и простому народу при Семирамиде жилось лучше, чем при её муже. А не захотела бы стать царицей – ничего подобного не совершила бы, а имя Семирамида нам бы знакомо не было.

Зенобия упорно не сдавалась:

– Весь мир знает силу и могущество Рима. Не зря у римлян тотемный зверь – лев, как оберег. Лев – царь всех животных. А Пальмира...

Зенобия запнулась, подбирая слова. Нашла:

– Пальмира для Рима – собачонка, которая может укусить в полной уверенности, что спрячется в своём дворе. Иначе лев разорвёт. Хорошо, что стены у Пальмиры высокие и прочные.

Лонгин, похоже, обрадовался сравнению:

– Замечательно! Тогда послушай историю, какую мне поведал торговец, побывавший в Африке в племени масаев. У них домашний скот охраняют подростки с маленькими злобными собачками. Удивительно, но львы обходят их стороной. А дело в тех собачках...

Старый грек рассказал, как охотники, выследив одинокого льва, ожидают, когда он укроется на отдых в кустарнике. Сюда приводят свору шумных суетливых собачек, которые суматошно бегают вокруг лёжки льва и беспрестанно лают звонкими голосами. Свора чувствует себя в безопасности, и лев, уверенный в собственном могуществе, не слишком опасается собак. Так продолжается довольно долго, пока лев терпит. А когда ему надоедает невыносимый лай и визг, выскакивает из кустарника, взвизгивает высоко, пугая врагов, делает короткую перебежку и скрывается в следующем кустарнике.

Вся свора спешит за ним, истошный собачий визг разносится далеко окрест. Со временем лай усиливается, также слышится продолжительный рёв и судорожные всхлипывания. А затем происходит нечто странное: собачки в охватившей их ярости вдруг бесстрашно устремляются в кусты... И тогда охотники говорят друг другу: «Лев мёртв!»... И они правы! Оказывается, сильный и могучий, благородный и величественный царь зверей, никого и никогда не страшившийся... умирает в кустах... от разрыва сердца!

Лонгин с хитрецей посмотрел на Зенобию.

– Какой смысл истории? Кто сильнее духом, тот и победитель, моя царица! Позволь повесть, что ты сможешь когда-то объявить своему народу: «Лев мёртв!»

Прочь сомнения

Зенобия доверяла греку Лонгину хотя бы потому, что мать его была сирийка. В Афинах он учился красноречию, долгое время преподавал в философской школе. Помимо греческого говорил и писал на латинском и арамейском. Несколько лет жил в Египте, изучал древний язык египтян и работал вместе с греческими учёными и философами в знаменитой Александрийской библиотеке. Волею судеб Лонгин оказался в Эмесе, где открыл собственную философскую школу. Слух о мудреце достиг Пальмиры, после чего молодая супруга царя Одената, окружившая свой двор известными представителями науки, искусства и литературы, пригласила Лонгина дать ей несколько уроков «о политике и надлежащем управлении государством».

Знакомство состоялось, встречи участились. Царица настолько привыкла к лекциям шестидесятилетнего философа, что настояла на том, чтобы он оставил преподавание в Эмесе и стал при ней советником. Когда сыну царя Вабааллату исполнилось семь лет, Зенобия назначила грека его наставником.

* * *

На следующий день после разговора Лонгина царица пригласила на Совет военачальников, кто в последние годы ходил в походы вместе с Оденатом. В небольшом зале дворца, закрытом от излишних глаз и ушей, где Оденат обычно проводил заседания, наскоро собрались два десятка высших представителей пальмирской армии. Среди них убелённые сединами ветераны с увечьями и шрамами и новые командиры, кто не успел показать свою доблесть на полях сражений.

Вдова Одената сидела на малом троне, который во время приёмов прежде занимала рядом с Оденатом. Голубой хиджаб, расшитый яркими узорами, драгоценными камнями и золотистой бахромой. На голове тюрбан с огромным рубином и массивными золотыми подвесками. Военачальники с озабоченными лицами столпились напротив трона в ожидании решения царицы. Она же в поисках подходящих слов с приветливой улыбкой здоровалась с каждым, молчаливо кивала головой. Лонгин, как свой человек в заседании, находился позади царицы, готовый вовремя подать совет.

Собравшись с мыслями, Зенобия уверенно заявила:

– На днях в Пальмиру прибывает наместник императора. Не в гости, а чтобы назначить нового царя. Мне сообщил из Рима доверенный человек.

Военачальники тотчас отозвались возмущёнными возгласами, угрожающе хватались за кинжалы на поясах. Зенобия продолжила:

– В ужасные дни, когда пальмирцы лишились царя, а я – любимого супруга, вы не дрогнули и приняли правильное для Пальмиры решение. И сегодня вы без промедления пришли на Совет, что означает одно – армии безразлично, кто станет царём пальмирцев. Я же хочу услышать ответ, от которого зависят благополучие Пальмиры и наши судьбы.

Военачальники согласно отозвались:

– Что сама скажешь, царица.

Ощувив доверие к себе, Зенобия вдохновилась:

– Римский император не должен назначать Пальмире царя! Галлиен запятнал себя бесчестием, поддержав заговор Меония. Император – главный виновник убийства царя Одената!

Зенобия обвела воинов жестким взглядом, голос обрёл решительность:

– Вы хотите, чтобы командующий над вами был человек, который ставит интересы Рима выше интересов пальмирцев? Вам нужен такой царь?

Лица военачальников посуровели, от возмущения задвигались скулы. Послышались недовольные возгласы:

– Пусть прокляты будут все римляне!

– Проклят будет Галлиен!

– Нам не нужны друзья Рима!

Зенобия мельком посмотрела на Лонгина и поняла, что он доволен.

– И я о том же! – уверенно продолжала царица. – Убив царя и его сына Герода, Галлиен решил, что у Одената нет больше наследника! Разве мой Вабааллат не сын Одената?

Присутствующие на Совете с одобрением отозвались на эти слова, закивали головами:

– Вабааллата на престол! Пусть он будет нашим царём!

Зенобия поняла, что ей нужно успешно завершать затеянное дело:

– Вабааллат продолжит дело царя Одената. Вы согласны, доблестные командиры, провозгласить моего сына царём пальмирцев?

На фоне общего одобрения неожиданно послышались голоса:

– Вабааллату семь лет! Кому нужен на престоле ребёнок? Вот враги Пальмиры обрадуются!

Зенобия растерянно повернулась к Лонгину. Старик строго оглядел зал и заявил:

– До совершеннолетия в таких случаях царскими делами занимается регент. Мать Вабааллата способна принять на себя обязательства. Среди вас есть хотя бы один, кто сомневается в царице?

Наступила тишина. Каждый из участников совещания понимал, что малолетнему царю и его матери необходима помощь и поддержка армии, а это влияние командиров в управлении Пальмирой. Принятие важных решений останется под контролем военной элиты. Царица отличалась от других женщин цепким умом, бесстрашием и неуёмной энергией. Иногда она даже сопровождала мужа в походах и сражениях. В приметном пурпурном плаще и в боевом шлеме вместо золотой диадемы она уверенно владела оружием на поле боя.

Пришло время принять решение, но первым высказаться никто не желал. В зале повисло тягостное безмолвие.

Наконец командующий конницей Масрур сказал:

– Вабааллату быть царём! Жена Одената при нём регентом.

Следом на верность царю Вабааллату присягнул Саббах из знатного пальмирского рода. Затем поспешили дать клятву новому царю и Зенобии остальные члены военного Совета.

Армия с воодушевлением восприняла восшествие на царский престол малолетнего наследника Одената. Воины римского гарнизона в Пальмире тоже признали Вабааллата наследником царя Одената. Большой неожиданностью для Галлиена оказалось обстоятельство, что пальмирские командиры отдали себя под начало женщине.

Глава четвёртая. Армейский избранник

Схватка за престол

Разгром армии Валериана персами, унижительный плен императора и бездействие Галлиена по освобождению отца привели к недовольству военных. Из-за бездарного руководства армией сражения проигрывались, в легионах зрели сепаратистские настроения. Для повода к мятежам достаточно было не выдать рядовому составу в срок денежного довольства, компенсацию расходов на фураж, оружие и обмундирование.

За восемь лет правления Галлиена ему пришлось воевать не только с врагами Рима, ещё и с «солдатскими императорами» – Авреолой, Регалионом, Макрианом, Валентом, Эмалианом. После их гибели в результате борьбы за власть явились новые претенденты: Галлиену противостояли римские военачальники – Требеллиан, Цельс, Сатурнин, Салонин, Постум. «Самозванцы» погибли, но однажды император стал жертвой заговора собственных военачальников – Клавдия и Аврелиана. Сенат в Риме поспешил признать Клавдия законным правителем, но через два года он умер от чумы. Его брат Квинтилла продержался во власти семнадцать дней и был убит заговорщиками из военных.

Для утверждения на престол в Риме оставалась одна кандидатура – командир всаднического войска Аврелиан. Сенат недолго колебался и вызвал его в Рим – на собеседование...

* * *

В начале войны с германскими племенами, *готами*, император Валериан за мужество и доблесть отмечал молодого *центуриона*, сотника Аврелиана. Награждал знаками военного отличия, повышал жалованье и даровал премии. В карьере любимца Валериана произошли большие изменения, когда император, будучи на отдыхе в Византии, посетил знаменитые бани-*термы*, куда пригласил сенатора Ульпия Кринита, с которым дружил. После того как ловкие массажисты расслабили бальзамами их тела, последовал десерт – старое фалернское вино и фрукты. Император, как обычно в таких случаях, рассказывал о своих героических деяниях в последнем сражении и неожиданно предложил сотрапезнику:

– Дорогой Ульпий, все знают о твоей знаменитой родословной от Траяна. У тебя нет детей, некому продолжить мужскую линию. Человек ты немолодой, умрешь без наследников.

Сенатору было не привыкать к подобным разговорам, в ответ он печально вздохнул и произнёс:

– Не дали боги мне детей. Я знаю, за что. За грехи мои, коих наделал по жизни немало. Так тебе же лучше будет, император! По закону, всё имущество и деньги к тебе перейдут. Ты знаешь это лучше меня.

Старик умолк, погружённый в грустные мысли. Валериан оживился:

– Ульпий, дорогой, я знаю, как помочь! И непременно помогу, если согласишься!

Сенатор весь обратился в слух – он знал, что император ничего зря не предлагает. Нужно быть внимательным!

– Я прошу тебя, чтобы ты усыновил героя войны. Он молод, честен и храбр. Если согласишься, я буду знать, что среди сенаторов у меня есть друг.

Ульпий понял, что император не зря пригласил его разделить досуг. Он произнёс с улыбкой:

– Что он герой, могу поверить, а вот чтобы честен – в молодых людях сейчас большая редкость. Ты назовёшь его имя? Какого рода он?

Валериану понравилась сговорчивость сенатора. Ему не терпелось продолжить разговор в нужном русле:

– Имя его Луций Домиций Аврелиан. Он у меня начальник конницы. Прямо скажу, рода незнатного, но достойного уважения – он из семьи сельского поселенца на Балканах.

Старик широко улыбнулся.

– Традицию установления отцовской власти над чужими детьми оставили нам предки. Если бы Юлий Цезарь не усыновил племянника Октавия, у римлян не было бы Августа, первого устроителя Римской империи. Я с удовольствием исполню просьбу своего императора. Почту за честь объявить Риму своего сына. Аврелиан получит не только моё имя: в придачу моих предков, в наследование всё имущество и деньги.

Валериан, похоже, обрадовался. Возможно, он не ожидал скорого разрешения задачи, отчего схватил кувшин и налил вина себе и в бокал сотрапезника.

– Я не ошибся в тебе, дорогой Ульпий. Я прослежу, чтобы в Сенат не поступило от кого-нибудь возражений. А если Аврелиан посмеет не оправдать твоего доверия, то не составит труда проявить родительскую власть и прекратить усыновление.

На этот раз встал Ульпий, чтобы высказать императору благодарственную речь:

– От предков пошёл прекрасный обычай, когда лучшие люди Рима брали в семью новых сыновей, храбрейших мужей, чтобы плодovitость заимствованного потомства украсила угасающие фамилии или семьи, лишённые детей. Так сделали Нерва, усыновляя Траяна, и сам Траян в Адриане обрёл сына. В свою очередь, Адриан – в Антонине, и другие императоры так делали. Так и я решил повторить, признав своим сыном Луция Домиция Аврелиана, которого ты своим авторитетным решением назначишь моим наследником. Прикажи сенаторам действовать по закону, чтобы они согласились принять Аврелиана наследником семейных святынь Ульпия Кринита, имени, имущества и всех остальных прав. И поскольку я имею должность консуляра, назначишь Аврелиана моим заместителем, чтобы на этом основании сын мой по твоему соизволению и сам потом стал консуляром.

Процедура усыновления – *аррогация* – произошла без особых хлопот посредством указа, *рескрипта*, императора. Аврелиан становился членом семьи Ульпия Кринита и утрачивал правовую связь с кровным отцом вместе с его именем – Домиций. После открытой процедуры на площади *претор*, глава города, объявил Аврелиана состоящим под властью усыновителя Ульпия Кринита.

* * *

При покровительстве императора у Аврелиана Кринита армейская карьера пошла заметно в гору. Без усердия и храбрости в сражениях не обошлось, но среди военачальников он заметно выделялся. Римская империя переживала трудные времена. Племена варваров нарушали границы, разоряли города и поселения, угоняли скот и убивали жителей. Личное участие Валериана в боевых действиях не приносило ему славы. Он нуждался в успешных военачальниках, Аврелиан был одним из них. Император доверил ему командование армейской конницей в то время, когда другие полководцы терпели одно поражение за другим. В итоге император передал своему любимцу в подчинение легионы, воевавшие с племенами неустрашимых готов. На прощание по-отечески пожелал удачи:

– Да покровительствует мне бог! Мой дорогой Аврелиан, на тебя возлагаю такие надежды, какие возлагали римляне на Траяна, воевавшего с даками, германцами и парфянами. Никто никогда не достигает вершины власти, если он с ранних лет не поднимался последова-

тельно по ступенькам доблести. Твое теперь дело в соответствии с твоей доблестью и умением воевать. Сделай, что можешь, и помни – в твоих руках твоё будущее.

* * *

Прибыв на место боевых действий, новый командующий быстро разгадал тактику противника, действующего небольшими группами всадников. Готы отличались высоким мастерством в индивидуальных схватках с римскими конниками, но уступали в коллективной дисциплине – сильной стороне легионеров, послушных воле командиров, умело действующих в строю. Оценивая обстановку на поле сражения, Аврелиан своевременно использовал резервы и вспомогательные отряды и всегда правильно определял место и момент для решающего удара. Если после долгого сопротивления враги бежали, римляне преследовали их, помня приказ командующего – пленных не брать! В то же время Аврелиан удачно применял придуманную им тактику отвлечения основных сил врага: отряды римских всадников заходили в тыл на чужую территорию и внезапно нападали на селения. Жителей убивали или забирали в плен как будущих рабов. В результате война с готами временно пошла на спад, вожди запросили у Аврелиана перемирия.

Новый командующий скоро завоевал признание рядовых воинов и командиров. Он знал многих сослуживцев в лицо, помнил имена и семейные подробности. Проявлял заботу об их личном оружии, уделял время заботам об армейском быте, питании и обмундировании. Одновременно проявлял суровость к нарушителям приказов, дисциплины и лагерного порядка. Несмотря на боевые заслуги строго наказывал.

Один воин совершил прелюбодеяние с женой своего командира, в римской армии замужние женщины нередко сопровождали супругов в походах. Аврелиан сам явился на суд. Услышав подробности, не стал тянуть время, вынес обвиняемому вердикт:

– Чтобы остальным воинам неповадно было отвлекаться от службы, в наказание тебе присуждаю особую казнь. Велю наклонить верхушки вон тех двух деревьев, привязать их к твоим ногам, а потом отпустить...

Оглядев членов военного суда, подчинённых военачальников, веско добавил:

– Армия – не место прелюбодеям!

Истошные вопли подсудимого не разжалобили командующего, и никто не посмел вступить за воина. Устрашающие останки разорванного на куски нарушителя армейских правил долго висели на виду у всех.

После суда Аврелиан поинтересовался, развёлся ли супруг той женщины. Когда услышал, что этого ещё не произошло, распорядился:

– Изгнать обоих из расположения армии!

Аврелиан поддерживал боевую готовность армии, когда легионы находились даже на кратком отдыхе или переходах. Он заставлял воинов упражняться в метании копья, стрелять из лука, проявлять умение и усердие во всём, что относится к военному делу. Сам он не избегал испытаний, справлялся с трудностями военного времени. В этом ему способствовали высокий рост, выдающаяся природная сила и мужественная выносливость.

* * *

Император Валериан следил за успехами Аврелиана и всегда лестно отзывался. Хвалил на заседаниях в Сенате:

– Знаю, муж ты храбрый. Правда, говорят, иногда в строгости переходишь все границы. Хотя для римлянина звучит как похвала.

Когда сенаторы обсудили свои вопросы, император Валериан неожиданно заявил:

– Отцы-сенаторы! Я вижу, мы остались довольны положением дел в армии, как заслугой Аврелиана Кринита. Скоро в Риме состоятся выборы на должность одного из двух консулов. Можно не сомневаться, Аврелиан Кринит – тот самый человек, надёжная кандидатура. А чтобы это произошло, нужна ваша поддержка.

Для Аврелиана слова императора были полной неожиданностью. Он с юности грезил военной службой, добиваясь признания командиров, доблестно исполнял приказы. Но до сих пор не представлял себя исполняющим высшую муниципальную должность. Его немного растерянный вид Валериан расценил по-своему:

– Аврелиан, если ты решишься и выдвинешь свою кандидатуру на избрание консулом, обещаю поддержку. Кстати, выборы потребуют значительных расходов. Не секрет, что, несмотря на долгую службу римскому народу, у тебя нет средств, достойных твоего усердия. Таким людям, как ты, мы и должны помогать. Не беспокойся, Рим возьмет на себя все расходы.

Дальше всё происходило, как задумал император. На выборах Аврелиан получил большинство голосов, затем в сенатском заседании его утвердили в должности консула. Валериан остался доволен и, чтобы его любимец не сомневался в щедрости покровителя, обратился с письмом к *префекту* государственного казначейства:

«Ввиду бедности консула Аврелиана, но благодаря которой он оказался велик выдай ему триста золотых *антонинианов*, три тысячи маленьких *филиппеев* и пятьдесят тысяч *сестерциев* медью, десять тонких мужских туник, двадцать полотняных египетских, две одинаковые кипрские скатерти, десять африканских ковров, десять мавретанских покрывал, сто свиней, сто овец».

В честь избрания на высокую должность Аврелиан совершил жертвоприношение в главном римском храме Юпитера: две большие жертвы – быками, и четыре малые – овцами. После устроил пир, куда пригласил сенаторов и римлян из знатных семей; главным гостем был император Валериан.

Завершив торжественные мероприятия, Аврелиан вернулся в расположение армии, переместившейся в Галлию, где несколькими боевыми действиями восстановил пограничную линию Империи в прежнем положении. Выполнив задачу, поощрил армию тем, что распределил военную добычу поровну – между рядовыми и командирами, деньгами, ценностями и пленными для продажи в рабы.

Возвратившись на время в Рим, Аврелиан не забыл благодетеля. Передал Валериану «пятьсот рабов, две тысячи коров, тысячу кобылиц, десять тысяч овец и пятнадцать тысяч коз, а в императорский дворец на Палатине поместил большое число особых ценностей»...

Рим исподволь

Аврелиан, выходец из провинции, с юных лет не представлял свою жизнь в многолюдном городе. Как профессиональный военный проводил время в походах, гарнизонах и полевых лагерях, отчего не задумывался о собственном доме, символе добропорядочного семейного уюта. А когда в сорок лет женился, довольствовался скромной усадьбой недалеко от Рима – приданным супруги.

Будучи на военной службе, Аврелиан появлялся в столице нечасто. Чтобы не привлекать излишнего внимания, в сопровождение брал нескольких младших командиров и слуг. Пользовался крытой повозкой, откуда наблюдал за прохожими. Всматриваясь в озабоченные лица, старался угадать положение в обществе, имущественный достаток или происхождение – любимое занятие!

До неожиданного вознесения Аврелиана на римский трон его образ жизни мало кого интересовал, но по прежним годам характеризовался как пристойный. Одежды носил простые, надёжные в носке. Обожал жареное мясо и крепкое вино, любил посещать цирк с состязаниями колесниц, делая большие ставки. Понятно, при проигрышах сильно злился и портил жизнь подчинённым людям. Не любил посещать театры, но когда ставилась греческая трагедия с участием мимов, обожал смотреть. Слушая скабрёзные шутки презируемых в обществе актёров над богами, военачальниками, знатными римлянами и даже императорами, громко смеялся. Выделял любимцев, передавая им дорогие подарки. Для тех, кто знал Аврелиана, его вкусы казались слишком странными, чтобы его понимать, на что он находил объяснение:

– Меня трудно осуждать за моё отношение к смеху, поскольку я не одинок в своём увлечении. Все императоры восторгались игрой знаменитых мимов, приглашали на пиры, чтобы развлечь себя и гостей. И мне после просмотра трагедии так и хочется высушить слёзы радостным смехом. Вы спросите: для чего? Отвечу – для того, чтобы в оболочке мимов мы узнавали себя, свою сущность, чтобы потом краснеть и содрогаться. Разве я неправ?

* * *

Боевой военачальник Аврелиан догадывался, по какому поводу сенаторы призвали его в Рим. После смерти Валериана трон пустовал. Претенденты не дремали. Заговоры зрели по всему периметру границ Империи и внутри Сената.

В городе Аврелиан сменил повозку на крытую *лектику*, носилки с четырьмя рабами и приказал нести себя к рынку. Двое гвардейцев заняли место впереди, принуждая зазевавшихся прохожих освобождать дорогу.

Рынок бурлил людскими водоворотами, как река в весеннем паводке. Покачиваясь в такт шагам носильщиков, Аврелиан с любопытством разглядывал через занавеску жизнь римлян. На пути встречались ещё лектики и паланкины, средства передвижения богачей и знатных римлян, также переносные кресла и ложа. Как правило, они были окружены клиентами, слугами и рабами – чем знатнее римлянин, тем больше толпа! Некоторые граждане, заметив лектику в сопровождении военных, останавливались и с любопытством разглядывали лектику, угадывая хозяина.

Аврелиан тем временем занимался тем же – угадывал прохожих. По простой и затёртой одежде отличал крестьян и ремесленников; каждый нёс на рынок в руках что-либо для продажи или сопровождал ослика с грузом, плодами собственного тяжкого труда. Повсюду сновали рабы в коротких туниках: они угадывались издали по нечёсаным волосам и грубым воловьим постопам на ногах. Ловко изворачиваясь в густой массе людей, оберегаясь от случайных столкновений, они торопились выполнить поручения хозяев: купить продуктов, отнести

приглашение в гости или забрать бельё из уличной красильни или прачечной. Небедные горожане выделялись ухоженными причёсками, яркими одеждами, руки у них – в дорогих украшениях, на ногах – сандалии или сапоги из кожи до голени и валяной шерсти. Бедняки и бродячие мудрецы не нуждались в обуви, шли босиком.

Рынок бурлил страстями. Приглушенный гул, исходящий из толпы, разбавлялся криками разносчиков жареного мяса, фруктов, вина и воды, подслащённой фиговым соком. Повсюду сновали мальчишки, предлагая товары за полцены. Кто пришёл за конкретными покупками, знали, куда идти. Они деловито присматривались к товарам, молчаливо приценивались, чтобы при случае кинуться в ожесточённую перепалку с продавцом, оспаривая его цену. Их гомон перекрывался резкими криками выючных животных, непременных участников любой рыночной баталии. И в таком, казалось, хаосе почти каждая вещь, выставленная на продажу, непременно находила покупателя!

Лектика Аврелиана внедрилась в глубь рынка с расположенными здесь рядами тесных лавок с прекрасными товарами из Египта, Индии, Аравии. Яркие цветные ткани, ковры, сосуды с бальзамами, маслами из роз, лаванды, миндаля, оливок. Горы ароматных специй на прилавках ароматом перебили запах пота, крови и мочи, висевший в рыночном воздухе.

Смуглолицый торговец, по облику финикиец, подбежал к лектике и неожиданно просунул сквозь занавеску руку с крохотным бронзовым сосудиком, успев выкрикнуть:

– Бальзам для любви!

Гвардеец оттолкнул его, и сосуд упал внутрь лектики. Продавец бежал вслед и возмущался:

– Отдай деньги! Два динария! Отдай деньги!

Аврелиан поднял сосуд, с любопытством повертел в руках, принялся. Сомнительно, что внутри бальзам, а не ослиная моча. Уличные продавцы – жулики. Этот не исключение, но артист неплохой... Оттянув занавес, выглянул: финикиец продолжал бежать за лектикой, размахивая руками. Аврелиан улыбнулся. Нащупав в кошельке мелкую монету, бросил.

Лавки, лавки, лавки... Торговцы из Греции, Египта и Европы, с Востока и Азии и даже из Индии. Пекари у огнедышащих печей кормят покупателей горячим хлебом, кренделями и печеньем. Молочники из окрестных селений предлагают сыры всевозможных видов – соленые и пресные, мокрые и сухие, на любой вкус. Повсюду люди теснят друг друга, толкаются и наступают на ноги, бранятся и временами дерутся. В какой-то момент все расступаются, чтобы пропустить ослов, волов и другую тягловую скотину, гружённых всё новыми и новыми товарами. На миг в освободившееся пространство проскальзывают озорные мальчишки и носильщики с тюками и корзинами на плечах и головах.

* * *

Посещение рынка и дальнейшее прохождение городских улиц в очередной раз убедило Аврелиана в том, что Рим сам по себе – колоссальное поселение людей, в которое трудно поверить! Рим потребляет всё, что только заблагорассудится – и этого мало! Кто имеет множество благ, столько же хочет ещё, ибо в богатстве нет предела. Римлян невозможно насытить, по этой причине они ежедневно с усердием делают запасы, будто собираются прожить вторую жизнь, а не одну, данную богами. Ради стяжания материальных ценностей происходят войны, а стяжать их заставляет тело, которому римлянин по-рабски служит. Ничто более не вызывает одобрения у римлян кроме богатства...

Аврелиан видел многолюдные улицы, чему не пришлось удивляться. В нём помимо римлян с древними родовыми корнями, отличимых по одежде и уверенности в себе, полно другого народа. Немало суетливых греков, степенных чернокожих эфиопов и нубийцев, смуглых телами сирийцев и египтян. То тут, то там встречаются германцы со всклоченными боро-

дами и усами, индийцы и персы в ярких одеяниях, светловолосые бритты... Все, кого когда-то покорили римляне, сейчас мирно уживаются! Предки этих людей были рабами римлян; рабы отпускались на свободу, обзаводились семьями. Насильно отторгнутые от родины чужеземцы, обживая римские города, приносили в римскую культуру элементы своих цивилизаций. Вот почему в римских домах, на улицах и площадях вместо латыни и греческого языка чаще звучат речи чужестранцев.

«Как знаться с такими людьми, найти общий язык? – размышлял Аврелиан. – Великий Рим дряхлеет, разваливается на части, привлекательные для варваров и своих сепаратистов... Если не остановить, грядут ужасные времена... А чтобы этого не случилось, Риму нужна сильная рука...»

Аврелиан распорядился нести себя к подножию Капитолийского холма, на вершине которого находилось святилище Юпитера.

В гостях у Юпитера

Решение посетить храм Юпитера созрело у Аврелиана в тот день, когда курьер из Рима добрался в Галлию с сообщением, что ему необходимо явиться в Сенат. После угощения посыльный разговорился, намекнул, что полководца ждёт назначение командующим римской армией. По столь важному событию Аврелиан надумал посоветоваться с верховным богом римского пантеона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.